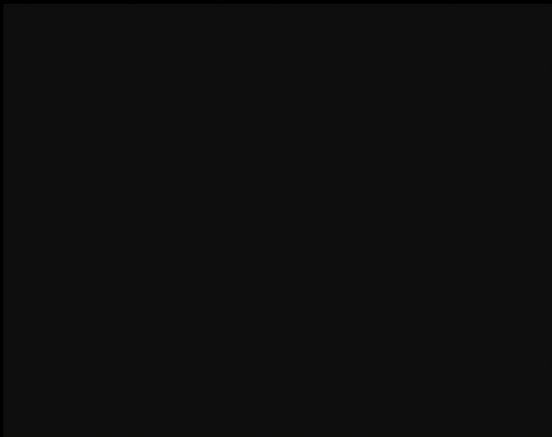

ПАЧИН МАКСИМ

СУЕТА

РОМАН В ТРЕХ ЧАСТЯХ

18+

Максим Пачин

Суета. Роман в трех частях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64141406

SelfPub; 2021

Аннотация

Сон, который вы почему-то забыли. Это история о времени и исчезнувшем. О том, как человек, умерев однажды, пытается отыскать себя в мире, где реальность, окутанная грезами, воспекает тусклое солнце среди облаков. В мире, где даже ангел, утратив веру в человечество, прячется где-то очень далеко. Это роман о поиске истины внутри и попытке героев найти в себе силы, чтобы среди всей этой суеты ответить на главные вопросы своего бытия.

Содержание

Часть 1	7
01.	7
02.	19
03.	37
04.	48
05.	57
Часть 2	82
01.	84
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Максим Пачин

Суета. Роман в трех частях

Дорогой читатель, я искренне благодарен тебе за то, что среди тысячи книг, ты избрал именно эту. Произошло ли это по воле случая или намеренно – для меня неизвестно. Но все равно, я оберегаю надежду внутри себя, что эта книга придётся тебе по душе.

Это небольшой рассказ повествует о людях, которые попадают в совершенно нелепые ситуации. И самое интересное – они не знают, как из этих ситуаций выбраться. Изначально, я хотел написать комедию, но поняв на середине работы, что комедия очень близка к трагедии – мне пришлось пересмотреть свои планы.

В то же время, это далеко не рассказ о людях. Точнее сказать, в этой книге нет месту множественному числу. Знаю. Ты, дорогой читатель, слегка озадачен моими словами и возможно это чувство усилится, когда ты приступишь к чтению. Я постараюсь объясниться, но не гарантирую, что это понравится тебе.

Если говорить откровенно – мы с тобой уже знакомы. Прошу – не удивляйся моим словам. Людям свойственно забывать вещи, даже те, что казались для них очень важными. Я не могу сказать, что играл особую роль в твоей судьбе. Возможно именно поэтому, ты забыл меня. Если мне не из-

меняет память, мы общались около семи лет назад и тогда, в то время, ты, дорогой читатель, никоим образом не мог представить, что через каких-то семь лет, ты будешь жить именно так, как сейчас. Если бы я, подошел к тебе именно тогда и сказал про все, что с тобой произошло за это время – ты бы не поверил мне. Зная твой характер, ты, дорогой читатель, усомнился бы в моих словах, а может и вовсе счел бы меня безумцем. Знаю, за это время произошло очень много всего – как хорошего, так и плохого.

Ты пережил утрату, и я знаю, что тебе было трудно, хоть ты и пытался это скрыть.

Иногда, я прохожу мимо твоих окон и замечаю, как ты при тусклом свете сидишь за столом. Твое тело почти не шевелится, а глаза время от времени посматривают на улицу. Ты, дорогой читатель, реже стал улыбаться. Помню, когда мы были с тобой знакомы, ты мог засмеяться даже от самой нелепой шутки. Возможно это время, а возможно и что-то другое. Честно говоря, со мной происходит то же самое. Иногда я ловлю себя на мысли, что стал слишком скучным. Скучным не для других, а для себя.

В остальном у меня все хорошо. Я все так же пишу и пытаюсь издаться. Работаю. Еще не женился.

Дорогой читатель, возможно и прошло много лет с последнего нашего разговора, и возможно уже не существует этого человека, которого я знал – но я верю, что сердце твое все еще бьется, ровно так же, как семь лет назад. Я верю в то,

что этот мир не смог заполнить до конца твою душу и где-то там внутри, ты все еще смеешься над нелепыми шутками, рассказанные под вечер.

Именно эти мысли навеяли меня написать данный рассказ. Это небольшой сборник комедийных историй, которые произошли когда-то с нами, а возможно еще и произойдут. Я буду безмерно счастлив, если ты, дорогой читатель, не пройдешь мимо и поделишь эти строки со мной в память о прошлых днях.

Надеюсь, это поможет вспомнить хоть что-то. Если так и случилось – жду тебя. Каждый вечер, я гуляю вдоль набережной в центре. Ведь в это время она особенно прекрасна.

С любовью и трепетом, твой друг.

Часть 1

01.

Громадная дверь отворилась уже поздно, его тело промокло насквозь и одновременно ныло от усталости. Он решительно вошел в этот каменный дворец, и ежесекундно почувствовал облегчение, будто все беды и тревоги исчезли.

Это был просторный зал с тремя окнами по левую сторону. Почти догоревшие свечи, расставленные по углам, окутывали это пустующее пространство теплым оранжевым светом. В центре расположился узкий длинный стол, доходивший прямо до большого каменного трона, на котором восседал сам он. Он не был похож на человека, хоть и носил лицо смертного. Высокий, под три метра, он молча смотрел в окно, что выходило то ли на бездну, то ли на каменный склон около речки утопленников, то ли на необычайно темное дождливое небо. Его крылья серого оттенка склонились за могучей спиной и почти не подавали признаков жизни. У верхушки левого крыла было заметное пятно, будто кто-то намеренно его подпалил.

Ангел услышал человека еще задолго до его появления. Он со скорбью отвел свой взгляд на гостя, что робко стоял возле начала зала и лениво оглядев его, не торопясь, молвил:

– Человек... – его тихий строгий голос раздался эхом по большому залу. – Как твое имя?

Гость робко сделал шаг вперед:

– Самого звать Ипостасей. Ипостасей Серебряный. В прошлом по важным бумагам секретарь в банке. Пришел – поговорить, вернее будет сказать – попросить. Если ваше благородие снизойдет на простого смертного... – ему было трудно дышать, будто в легкие вонзали металлические лезвия.

– Путь сюда не короткий, секретарь. Не каждый такое стерпит, видимо причина веская, раз сам человек постучался ко мне в дверь. Ну, говори – зачем пришел.

– Святой, вы наш угодник. Да как же мне объяснить все то, что происходит в жизни не прелестной моей. Как же достучаться до вашей души крылатой. Что же такого мне сделать-то надо, чтобы вы наконец поняли, поняли меня – ведь многого то, не прошу... Жизнь перестала быть жизнью, молитвы бесполезны – потерял я себя, ну и черт со мною, неблагосклонна ко мне судьба и люд, я за себя просить бы не пошел к вам. Я прошу за сына своего, да за невестку, любимую – сгниют же со мною в это время. А я не хочу, люблю их, очень люблю.

– Любишь значит... а точно это можно назвать любовью?

– Точно, святой, точно. Без раздумий в реку, да в огонь пущусь, лишь бы мои родные люди уцелели. Что скажете, то и сделаю.

– Ну в реку-то соваться не нужно, да и огонь толку мало

принесет. Ты мне лучше вот что скажи, с чего такая уверенность, что с тобою сгниют они.

– Да просто все, как овес собрать – нищий я, на этом и конец. Нищему-то в нашем мире тяжело, а я нищий не простой, без дому, без крыши, о еде даже говорить страшно. Я-то готов к такому, а вот им во век не пожелаю испытать сей тяжбы.

– А чего ты, дурной, семьей обзавелся, раз в бедняках ходишь?

– Так как же – **любовь** ведь. От нее убежать труднее всего. Даже беднота не такая сильная, как эти прекрасные чувства. Тут голова холодная вряд ли поможет. Да и в прошлом все было по-людски. Работу имел, крышу имел, еды каждый вечер полон стол – по ресторанам не ходи. А как банк-то прикрыли на углу моей улицы, так жизнь пошла под откос. Из дома за неуплату выселили, на другую работу принимать перестали – говорят кризис какой-то. Может оно и верно конечно, что все так. Но поймите, святой вы наш спаситель, не по моей воле все это происходит, заложник я. Заложник всех этих отвратных обстоятельств. Я поэтому к вам и пришел, что ситуация тут безвыходная и простому человеку решать такое, все равно что могилу себе вскапывать на замерзшей земле.

– Трудный ты человек, Ипостасей, трудный. То без любви не может он видите ли, то теперь без жилья. А ты в курсе, что люд устроен иначе. Тебе мысли истинные не просто

так даны, чтобы ты ими ходил пестрил по дворам, да девок смущал, а даны, для того, чтобы думать и думать не только о себе. Знал об этом?

– По крайней мере, догадывался, – растерянно ответил Ипостасей.

– Догадывался он, полвека почти прожил, все догадывается. Ох нравитесь вы мне люди своей добротой, да просто-душием. Сделали дело, а о будущем даже думы нет – пройдет как-нибудь стороной, да и Бог с ним, – ангел медленно отвел взгляд на темное окно и тяжело вздохнул. – Не этим вы заниматься должны...

– Может и глуп я, вы, права, не обижайтесь на меня, и ни в коем случае не злитесь. Я ж пришел помощи попросить, а не крови подпить. Уж если откажите – ничего страшного, обойдусь. Расстроюсь конечно, по-человечески, но пойму и на публику ничего не вынесу...

– Это ты мне одолжение, делать будешь, – почувствовав всю наглость, исходящую от гостя, ангел раскатился в громком смехе. – Жил значит своей головою, наворотил делов, а теперь еще и условия ставит. Ишь какой!

– Что же вы так со мною плохо то. Я же просто прошу о помощи... Да, ошибся в жизни, ошибся не раз и что же теперь, смеяться? Может вы и не знаете, но таким как я судьба сама ошибаться разрешает.

– Да не над проблемами я смеюсь, а над глупостью твоей бесконечной. Мне-то думаешь легко такое слушать от чело-

века? Или может ты считаешь я удовольствие получаю бескрайнее от твоих глаголов? Уж кто кого больше не знает... – ангел привстал со своего трона и спустился к человеку, он медленно обошел его, рассматривая причудливые шрамы в виде раскалённых камней на спине, что виднелись сквозь промокшую сорочку. – Да, задал ты мне задачку не простую... – небесный служащий подошел к темному окну будто пытался разглядеть что-то, – Я все вот думаю, ведь если пожалею тебя – к жизни верну, ты же не угомонишься. Запутаешься вновь, спотыкнёшься о трудности, а виноватым сделаешь всевышнего – опять просить придешь. С такими делами и пропишешься у меня тут.

– Что вы, нет... Нет, и еще раз нет! Я ж не такой, другой совсем и по-другому воспитан. Слов больше не молвлю в ваш адрес, если благословите на судьбу другую.

– То-то и оно, Ипостасей, молвишь, еще как. Я это наблюдаю веками, и знаешь – ничего не меняется. Уже людям-то не верю, понимаешь? Вот ты стоишь, весь такой бледный, гляди сейчас на тот свет отправишься, слова вроде повинные говоришь, а на деле – все пустое и все в пустоту.

– Ну что мне сделать? Поклясться? Так я клянусь, клянусь всем, что есть у меня. Клянусь жизнью, что слова вопреки не молвлю о жизни поганой, коли сам в дебри зайду, значит так оно и суждено.

– Жизнью значит клянешься? Маловата твоя жизнь к таким словам. Уж раз начал по серьезному, то клянись сразу

всеми душами.

– Чья ж душа кроме моей нужна еще вам?

– Да ты-то куда лезешь – твоя душонка никому не нужна, а вот семья, в лице невестки и сына, вот это приемлемый груз, дабы предать нашей договорённости некий баланс. Ну чего же ты встал, как вкопанный – клянись, раз готов слово держать.

– Это что же получается, я из-за блага другой жизнью отвечать должен... Неправильно все это, поймите, не могу я так. Да и по-другому тоже не могу... Что же делать, что же мне придумать.

– Ты, человек, уже все придумал – проблемы и несчастья твоя, так сказать конек. Смотри, пока я добрый, соглашайся.

Ангел подвел человека к окну, где царила тьма. И только через несколько мгновений, сквозь старое стекло показалось два силуэта, прикованные к большому дереву. Это была невестка и сын Ипостасея. Невестка потеряла свое имя на войне, а сына звали Андрей. Ангел махнул рукой, дав команду двум чертам издеваться над невесткой. Андрея наоборот, стали избавлять от цепей. Самый маленький черт подошел, срубив оковы, взял его за руку и начал тащить в болото, которое вырисовывалось тотчас возле большого дерева. Ангел посмотрел на человека:

– Не так тяжела сама жизнь, как ноша, что несет она с собою. Ведь жизнь человечья по сути ничего не стоит. Ценной она становится только тогда, когда в судьбу эту люди другие

приходят. Мыслями своими делиться начинают, а человек привязывается, растворяется в этом потоке и со временем теряет себя. И неужели это и есть истинные чувства, о которых вы сами пишете веками? Или это проявление все же человеческой глупости? А может это все от одиночества. Вот ты Ипостасей, считаешь себя одиноким человеком?

– Одиночество меня, к счастью, обошло стороной. А что про глупость вы говорите, так это все от возраста, поймите. Человек не может знать все сразу наперед, все постигается методом проб и ошибок. Да и вы должны понимать, что такая быстрая любовь не может равняться с настоящими духовными, временами может и большими чувствами к другому человеку. Здесь, наверное, все сложнее, чем кажется на первый взгляд и суть главная далеко не в словах, а скорее в трепете внутреннем, что заставляет человека понимать и принимать другого человека.

– То есть ты считаешь, что любовь – это принятие?

– Безусловно, господин. Я тщетно верю в это и бережно храню эту мысль у самого сердца. Ведь если все иначе, если человеку не суждено понять и принять другого, значит и любви истинной нет в этом мире. Я знаю, что мысли мои может местами и глупые, и далеко не ученые, но счастлив я от того, что мысли эти полностью повторяют форму чувств моих. И знаете, хранитель, ради этого, наверное, я здесь.

– Да все это вы делаете из-за тоски, да и только. Вы-то люди и будете говорить о каких-то там чувствах к другим. Да

вы ненавидите друг друга, постоянно пытаетесь убить, ограбить, унижить. Где здесь любовь-то твоя высокая? Или вы слишком избирательный народ, что вправе выбирать, кого казнить, а кого любить. Фарс, да и только. Напридумывали себе сами сказок и играетесь, как дети малые. Услышав первый раз такое, может я бы и поверил, но наблюдая день за днем за вами, приходишь только к одному неутешительному выводу, что все это есть большая и необъятная суета. При чем суета-то бесполезная, а вы и рады, лишь бы в одиночестве не остаться. Видите ли – скучно.

– Знаете – да, есть у нас глупцы и недалекие, в каждом народе такое. Но это не значит, что все на одно лицо. Как можно так судить человека, не узнав именно его, а опираться на туманные образы. Душа ведь у нас не одна на всех.

– Душа может и не одна, а вот повадки почти одни и те же. Да даже ты, со своей клятвой – прибежишь через месяц, валяться в ногах будешь и умолять сделать все иначе. Что я, не знаю этого. Одинаковые все вы, хоть на лица и разные.

– Словами спор наш не унять, – задумался Ипостасей. – Давайте так. Раз клятву вам даю свою на веки, что не овладеет мною мрак при новой жизни, а если и быть этому, то понесу свои ошибки на себе же и в вашу сторону их не обращу. Но вы, всевышний, должны и мне поверить, что люд не всяк таков, как описываете в своих словах.

– Значит тебе и жизнь новую и веру подавай от меня, – ангел усмехнулся. – Живи ты хоть двести лет, хоть век – не

докажешь мне обратного. Но рвение твое я оценил, посему соглашусь помочь тебе, Серебряный, все же смертных здесь вижу я не часто, особенно живых... – он протягивает ему свою огромную руку. – Только учти, коль нарушишь клятву свою, семьи ты лишишься раз и навсегда. Живи как раньше, работай, люби и оберегай семью свою, дом построй с новья и быт там посели. Без лжи, без лени. Если пожмешь мою руку, считай, что клятву я твою услышал. Дело за малым...

Человек протягивает молча руку и в тот час же оказывается на знакомой ему улице.

На время разлуки Ипостасей оставил свою семью у продуктовой лавки с мясом. Там не было совершенно тепла, но на тот момент ему показалась это хорошей идеей. По крайней мере над лавкой простиралась большая крыша, где могли укрыться его невестка и Андрей от дождя или сильного ветра.

Мясная лавка делила улицу со старой квартирой Ипостасей, откуда их благополучно выгнали, и банком, что стоял на углу. После того, как это здание развалилось из-за кризиса, сюда стали частенько подходить прохожие и молиться. В большей степени это были люди с большим достатком в прошлом, и с пустым карманом в настоящем, которым просто не повезло из-за случая. В здании самого банка томилась лишь пыль. Люди, что молились здесь, пытались разглядеть в окнах что-то иное и по слухам некоторых женщин, в потемках здания бродил большой и жуткий осьминог.

Ипостасей нашел свою семью не сразу. Возле мясной лавки их не было, поэтому он начал оглядывать ближайшие свалки. Как оказалось, они ушли недалеко. Увидав отца, маленький Андрей резво бросился к нему, с криками и объятиями. Невестка была более скромна в этом вопросе, увидав своего суженного, она аккуратно положила авоську на землю и кротким шагом направилась к нему:

– Мы думали, что ты будешь к вечеру, дорогой, – Андрей не давал матери сказать и слова, он заглушал ее своим криком. – Андрей, помолчи немного, видишь отец устал. Ты сам-то как, Ипостасей?

– Прodelал я путь не легкий, моя любовь и, если без лжи – не думал вернуться я живым сюда. Знаю, я все знаю, дорогая моя. Твое любопытство меня щекочет по спине, но к сожалению, а может и к счастью твоему – не могу открыть тебе подробности этого путешествия. Одно могу сказать – прошел все это я не зря, и на этом тему, можно думаю закрыть, – Ипостасей обнял свою невестку, а Андрея бережно прижал к ноге. – Я так скучал по вам обоим, еще бы миг и помер бы без вас, честно слово.

– Мы тоже скучали! – крикнул во все горло радостно Андрей. – Ты видел сколько мы стекла собрали?!

– Стекла? – переспросил Ипостасей.

– Стекла... – тихо произнесла невестка. – Они перестали принимать металл, говорят стекло сейчас на вес золота, вот только платят за него, как за испорченный бумажный лист.

Я-то не хотела идти сама, а вчера вечером Андрейке нездоровилось – жар у него, понимаешь? Тут и людей не было рядом, чтобы кого-то попросить. Вот и надумала хоть как-то монету получить, хотя бы немного мальчишке на еду.

– Семья, у меня к вам разговор. Отныне, никто из нас в нищете этой поганой жить не будет. Это говорю я вам, моей душе дорогие люди.

– Весть-то добрая какая, Ипостасей, что же, что же случилось?

– Ох, любовь моя, рассказать бы все, да не могу же. Но будь уверена, боле в еде и тряпках отказывать ты не будешь себе. Уж если только намекнуть могу, – Ипостасей показал грязный указательный палец и стал целеустремленно тыкать им в небо, смотря на невестку и сына глазами немного большого человека. – Понимаете? Теперь-то вы поняли?

– Дорогой, может тебе тоже не здоровится, может жар какой подхватил, а? У меня в авоське полотенце есть, его нужно только в теплой воде где-то сполоснуть.

– Да молчи ты со своим полотенцем, – рявкнул Ипостасей. – Тоже мне, невестка заботливая. Я вам тут пытаюсь тайну открыть – намекнуть так сказать, а вы дурака из меня делаете. Не гоже так с человеком, что рдеет за ваши души.

– Ты успокойся и не злись, твои высказывания абсолютно напрасны. Мы верим тебе и без этих всяких объяснений. Просто ты говоришь такие слова, которым трудно поверить без подкрепленных к ним вещей. Но это все пустяки, будет

так, как скажешь, дорогой мой и любимый муженек.

– Нет, ты конечно права, – Ипостасей немного задумался. – Что же я не спросил у него – вот дурак то. Знаете, что, нужно просто подождать. Ждать будем у лавки мясной, как и прежде. Там не такие глупые как здесь – разберутся лучше нашего, и все сделают так, как нужно. Уж я уверен в этом. А не сделают – ну что же, судьба твердолобая значит не позволила, – он подошел к авоське и пнул ее ногой ближе к свалке, та с грохотом разбитого стекла упала в нескольких метрах дальше. – А это, нам боле не понадобится, – Ипостасей взял за руку Андрейку. – Пойдемте, – он тяжело выдохнул, – нам пора.

02.

С самого утра советник нотариуса Артем Григорьевич не мог найти себе места. В этот день он пришел на работу раньше всех и принялся что-то нервно искать в архиве. Зацепившись второпях за косяк деревянной полки, он резко дернул рукав на себя, тем самым надорвав новую сорочку. «Вот же дурасть» – проговорил он про себя и продолжил дальше искать в папках архива что-то очень важное. Его чуткое самолюбие не давало ему приходиться даже в такие дни на работу в чем попало, советник очень кропотливо и даже с некой материнской заботой относился к выбору своего гардероба. У него были знакомые в иностранных магазинах, где из-под прилавка Артем Григорьевич приобретал разные костюмы, сорочки и шляпы по завышенным ценам. Когда он заходил в подобного рода магазины, хозяева специально выгоняли других покупателей и закрывали все входные двери персонально для дорогого гостя. Сорочка, что была порвана в тот день, была куплена за неделю в небольшом, но в очень дорогом месте. Продавец уверял его, что она проживет столько, сколько не проживет и сам хозяин. В тот момент, когда советник пытался что-то отыскать в папках, в архив зашла девушка – эта была Анна, секретарь нотариуса. Никто ее и никогда не называл по батюшке, может это было из-за раннего возраста или банального неуважения, саму ее это очень

сильно волновало и каждый раз, когда она заходила в кабинет к нотариусу с чашкой чая, она мечтала о том, чтобы ее назвали «по правильному». Анна была студенткой и училась на мастера-швею, с этой работой ей помогла матушка, которая в данный момент времени была прикована к кровати из-за недавней инфекции, что распространялась по городу с удивительной скоростью.

Артем Григорьевич немного вздрогнул от грохота открывающейся двери:

– А, это ты, Анна. Ты сегодня чрезмерно рано, – немного торопливо проговорил советник.

– Что вы, Артем Григорьевич, я прихожу так каждый день, с самого начала, а вот для вашей персоны такое раннее время уж никак не характерно. У вас что-то случилось? – Анна обратила внимание на нервозность своего коллеги. – Могу ли я вам чем-то помочь? – Советник горестно зевнул и чуть отошел от полок, огляделся по сторонам. – Так что же?

– Да были тут документы одни, в папке синей лежали все, оставляли специально еще полгода назад по распоряжению Екатерины Сергеевны. Там годовые отчеты хранились, да некоторые моменты описывались, не публичные, так сказать.

– Папка синяя говорите, – на лице милой студентки образовалась улыбка, Артем Григорьевич этого явно не оценил.

– Чего ты улыбаешься? Знаешь где она?

– Да вы так не волнуйтесь, у меня на столе лежит – я на прошлой неделе решила странички от пыли протереть, вот

и оставила у себя. Пойдёмте, я вам покажу.

Советник протер свои запотевшие очки. Поднося руку к лицу обратно, он задержал свой взгляд на клочке ткани, что свисал с рукава сорочки. Было видно, как его виски пульсировали от напряжения. Артем Григорьевич сделал медленно шаг вперед:

– У себя значит на столе оставила, – тихо произнёс советник. – Я тут, понимаешь, шабаш устраиваю, а она папку на стол положила. Вот скажи мне, Анна, тебе лет сколько?

– Двадцать один, – с небольшим задором ответила девушка.

– Тебе двадцать один год, представляешь? – он сделал небольшую паузу, будто что-то пытался в себе сдержать. – Чего же ты тогда ведешь себя, как я не знаю – дура малолетняя. Уж доверили тебе самую простую работу – мать все бегала просила за нее: «Возьмите Аннушку, она и умница, и трудолюбивая...», все плакалась тут, а на деле выходит, что Аннушка-то ее не такая и умница.

– Да что вы так, я думала, что просто протру пыль и ...

– Тебе девочка рано еще думать, тебе нужно только слушать и выполнять. Тогда проблем не будет никаких. Мой тебе совет, дорогая, не пытайся все это перетянуть на себя, ну не твое пока что это. А мысли свои держи в голове и не вздумай превращать их в слова или действия.

– Я постараюсь, Артем Григорьевич, правда, только прошу не волнуйтесь так, я это делаю только с добрыми наме-

рениями, как лучше.

– А вот это, – советник тыкнул в лицо девушке свой порванный рукав, – это тоже по доброте? Да если бы не ты и не твои вот эти вот амбиции... – он резко остановился. – Иди давай, папку принеси мне и чаю сделай без сахара – не перепутай уж ничего. А рубашку новую купишь, вычтем это из твоего жалования. Чего встала то?

– А можно вычесть через месяц, Артем Григорьевич, дело в том, что матушка моя больна сильно и нуждается в лекарствах и так получилось, что на данный момент я единственная кормилица в семье. Прошу, не губите сейчас, а я буду держать свои мысли и идеи глупые на замке.

– Ладно, ладно. Я же не изверг, в самом-то деле – вычтем часть, остальное матери отнесешь. А вот про мысли правильно сказала. Нечего, – Артем Григорьевич наконец-то присел и выдохнул, по крайней мере пропажа была найдена и на минуту другую можно было перевести дух. Анна скрылась за дверью архива и поднялась на второй этаж, где находился главный кабинет – кабинет нотариуса, Екатерины Сергеевны Чистяковой.

В то утро она не спешила на работу. Она вообще никогда не спешила на работу, потому что для нее, это была не совсем работа, а некое место, куда можно прийти и почувствовать себя чуть выше, чем остальные. Может поэтому, она и не торопилась. Чистякова привыкла все делать сама. Она этому научилась после смерти мужа, чье нотариальное

агентство досталось ей по наследству. Родители были бедными, поэтому не могли дать дочери достойного образования или места, где можно было работать. Екатерина Сергеевна за всю свою жизнь ни разу не была в школе или другом образовательном учреждении. Она решила эту проблему довольно просто – влюбила в себя пожилого человека по имени Рамут, который до конца своих дней и даже после обеспечивал эту женщину. Что самое интересное, Рамут изначально понял все это, и не раз советовался с Артемом Григорьевичем по вопросу супруги и смысла в этом. Советник пытался объяснить пожилому человеку, что тот яро не прав, что все действия в его сторону лживы и что такие женщины, как Екатерина Сергеевна настоящее воплощение сатаны в человеческом облики. Но как бы не отстаивал мужскую честь советник, Рамут делал все ровно наоборот, дело дошло до того, что эта женщина стала посещать нотариальное агентство и вести себя довольно агрессивно по отношению к сотрудникам. Она могла легко оскорбить или уволить женщину, что работала на Рамута, а могла подойти к молодому парню, что попал сюда лишь из-за учебной практики и начать с ним флиртовать. Рамут пытался этого не замечать, пытался продолжать любить эту женщину несмотря на ее легкомыслие. Старик понимал, что осталось ему недолго и что помирать на своем рабочем месте в полном одиночестве среди сотрудников – не совсем то, чего он хотел видеть в последний раз. Предсмертные дни он провел в своем кабинете, вместе

со своей супругой. Екатерина Сергеевна оплакивала его и говорила о том, как ей было хорошо вместе с ним, а после кончины Рамута взяла дорогую бутылку шампанского и не являлась на работу целую неделю, поручив все дела Артему Григорьевичу.

Первое время советник не мог привыкнуть к такому повороту событий. Вот уже несколько лет он шел к этой должности, старательно выполняя всю чистую и грязную работу, что поручал нотариус. Артем Григорьевич считал его своим другом, а он, как говорил сам советник: «Променял меня на красивое тело, пустую голову и длинные волосы». В какой-то момент Артем Григорьевич хотел написать заявление, где описал бы все свои чувства к Рамуту и его молодой наследнице, но идея так и осталась незаконченной и все-таки было виной женское обаяние и энергетика Чистяковой. После недельного перерыва, она вернулась словно обновленной. Советник пытался вставить слово в ее монолог с ним, но так и остался без внимания. По мнению некоторых коллег, в тот день, когда состоялся разговор, Чистякова мягко намекнула советнику, что осталась одна, и что присутствие такого мужчины, как Артем Григорьевич, будет не лишним в ее жизни. Было это на самом деле или нет – до сих пор неизвестно, но факт состоял в том, что после того дня, новоиспеченный нотариус и ее советник очень сильно сдружились.

Чистякову, как обычно подвезли на машине. Самое интересное, что эти машины менялись почти каждый день и к

ближайшему таксопарку не имели никакого отношения. Она эффектно зашла в здание, поднялась с тяжелым грузом на второй этаж и не заметив даже Артема Григорьевича забежала в свой кабинет, оставив лишь приятный шлейф после ночной прогулки по ресторанам. Анна сидела на своем месте и наблюдала за началом маленького психоза советника. В этот момент он поймал ее взгляд и быстро откинул его в сторону. Советник прождал минуты две и от бессилия больше терпеть встал, нервно одернул рубашку и направился к кабинету Чистяковой.

Она восседала за своим большим столом из темного дерева, рядом располагалось удобное кресло, сделанное на заказ по очень дорогой цене. Чуть раньше, когда Екатерина Сергеевна не была Екатериной Сергеевной, от скуки она подсчитывала мебель в валюте и сравнивала эту сумму с чем-то более существенным для нее на тот момент. К примеру кабинет Рамута можно было с легкостью обменять на просторную квартиру недалеко от центра города. Тогда, подобного рода мысли ее могли напугать или заставить на миг задуматься о своей жизни. Со временем, эта женщина привыкла к такой роскоши и теперь на том самом столе из темного дерева, сделанный разумеется на заказ царил хаос в виде множеств ключей, сломанной губной помады и пудры, что раскрошилась по всей поверхности. Чистякова постоянно утверждала: «Смириться с богатой жизнью – есть самая тяжелая ноша для человека». Впервые она сказала эту фразу на общем со-

брании, коллеги до сих пор не понимают, что эта дама имела в виду.

Артем Григорьевич торопливо закрыл за собою дверь, подбежал к столу своей начальницы и кинул папку синего цвета на стол так, чтобы та обратила внимание.

– С каких это пор, ты заходишь в мой кабинет без стука? – уставши начала Чистякова. – И вообще, знаешь что, у меня перерыв, так что не смей меня беспокоить и прошу как можно скорее удалиться отсюда, – она было хотела собрать весь мусор со стола, но ее усталость была намного сильнее. Чистякова облокотилась на кресло и закрыла руками глаза. – Ты еще здесь?

– Здесь, – с некой тревожностью ответил советник. – Я же, как вы понимаете, прихожу сюда не просто так, а работать. И вот представьте себе, сегодня я тоже пришел – по работе.

– Что ты сказал? – она отвела руки от глаз и пристально уставилась на Артема Григорьевича, – Ты, блоха, будешь мне, что-то говорить о работе?! А, ну конечно, по-твоему соображению трудом занимаешься здесь только ты один, а все остальные здесь так – для галочки! Но послушай меня, дорогой, не стоит делать вид, особенно того, чего нет с самого рождения, – Чистякова немного привстала, а после вновь упала в мягкое кресло. Порой, ей было свойственно говорить вещи, которые понимала только она. При всем при этом, эта женщина даже не догадывалась о том, что некоторые ее высказывания для других, есть олицетворение непонятого и

бессмысленного.

Артем Григорьевич не хотел идти на конфликт, поэтому выждав немного времени, пока успокоится Чистякова, он продолжил:

– Послушайте, у нас есть некоторые ситуации, которые мы должны уладить до сегодняшнего вечера. Эти ситуации, как бы помягче сказать, не совсем малые и поэтому, я думаю, что не стоит терять времени на откровенную ерунду. К тому же времени у нас этого практически и нет.

– Да для тебя все ерунда, советник. Ситуации... Может у меня тоже «ситуации», которые нужно решить не просто до вечера, а прямо сейчас и что? Я же не жалею никому, пытаюсь это сделать своими силами. А ты? Ты вместо того, чтобы время драгоценное не терять, по кабинетам начальников своих бродишь, да навязываешься.

– Екатерина Сергеевна, при всем уважении...

– Уважении? – Чистякова скромно усмехнулась. – Да ты меня призираешь и ненавидишь всеми жабрами, о каком уважении может идти речь. Все пытаешься во мне ошибку разглядеть, да не получается, вот ты и на взводе с утра до ночи. Хочешь сказать я лгу?

– Екатерина Сергеевна, – советник уставши выдохнул, – давайте об этом после. Я прошу, нет, я умоляю вас. Мне от вас нужно-то, всего пару подписей. Понимаете, не может это ждать боле – дело очень серьезное и напрямую касается вашей дальнейшей судьбы. Я по иным темам не вздумал бы и

беспокоить ваш кабинет. Я вам пытаюсь это объяснить, но мои слова – словно в пустоту. Обратите уже внимание, отвлекитесь – понимаю, заняты, но дело и вправду важное, – Артем Григорьевич от бессилия уж было подумал уходить, но Чистякова снизошла.

– Дело важное, – ее тон сменился с грубого на *modesto*. – Что за дело? И как, прости, оно касается моей судьбы? – в ее словах, а точнее окончаниях этих самых слов, была слышна нотка волнения. Советник почувствовал это и на секунду даже немного поднялся в настроении.

– Сейчас поясню, – он подошел к столу, взял папку синего цвета в руки и попытался передать ее Чистяковой. – Откройте шестую страницу и взгляните на нижнюю строчку, – Екатерина Сергеевна торопливо добралась до шестой страницы и замерла на несколько секунд, вглядываясь в последнюю строчку. – Теперь-то вы понимаете, насколько все серьезно?

– Честно говоря, не совсем, – Чистякова с большим трудом пыталась понять, о чем же говорит советник, вспоминая обо всем, чему учил ее Рамут. – Ей Богу, понять не могу, с чем ты пришел сюда.

– Тогда смотрите, – Артём Григорьевич взял ситуацию и папку в свои руки и стал обеспокоено демонстрировать лист под номером шесть. – Видите, на всех остальных листах, кроме шестого, графы заполнены, а тут, – он вновь указал пальцем на злосчастную страницу, – нет ни единой фамилии, –

он положил папку на стол и снова взялся протирать очки. – Мне тут утром позвонили – анонимно, сказали, что мол информация ходит тут не добрая, конкретно завтра в течении дня, к нам пожалует большая проверка с центра и что если мы спустим эту ситуацию на самотек, так сказать, нашим делам – конец.

– Конец? – возмущено и испуганно переспросила Екатерина Сергеевна. – Как конец?

– А вот так, очень просто. Придут, проверят – закроют. И не думайте, что я говорю про это здание. Закроют вас, а следом и меня, еще глядите Аннушку подберут под горячую руку. Вот тогда-то у нас будет уйма времени, чтобы выяснить наши отношения с вами, уважаемая Екатерина Сергеевна.

– Ты давай не язви, советник, а лучше объясни, что нам делать в такой ситуации.

– А все очень просто, нам всего лишь нужно найти одного человека, который получит что-то по наследству. У нас графа не заполнена, понимаете? – он перешел с серьезного языка на более детский, подобно матерям в момент воспитательного процесса. – Если хотите услышать мое мнение по сложившейся ситуации – то это просто невозможно сделать за один вечер и как бы мне не хотелось произносить этого в этом кабинете, но – мы в беде.

– Ну послушай, – Чистякова включилась наконец-таки в беседу и стала мыслить, – ну а нельзя разве дать им взятку или вписать просто любую фамилию... Кто будет смот-

реть-то эту страницу, кому она нужна?

– Вы не понимаете всей ситуации, Екатерина Сергеевна, вы просто не знаете, что за люди будут здесь завтра. По желанию они возьмут каждую фамилию и проверят, а взятки подобного рода инспектора в жизни не берут, понимаете? Для них это вообще не важно и не является аргументом наших с вами проблем. Это фанатики, а с ними иметь дело – самое страшное, что есть на свете.

– Ладно, это я поняла, не части, – она пыталась успокоиться, но внутреннее переживание постепенно нарастало. – Я вот не пойму, что ты привязался с этой строчкой. Почему у нас в документах получилась такая оплошность, кто в этом виноват?

– Так понятное дело, вы и виноваты в этом.

– Как это я виновата, я же ничего и не делала с этими документами.

– В этом вся и проблема, что не делали, а по сути такая документация должна делаться персонально нотариусом. А вы, Екатерина Сергеевна, все ждали момента, пока ваш близкий знакомый, владелец винного магазина в центре не отправиться на тот свет, прости меня Господи, дабы успеть в этом году заполучить то, что хотели, – Артем Григорьевич отвел взгляд в сторону и на миг задержал его на сломанной помаде. – Я вот что думаю, если единственным верным выходом из этой ситуации является поиск человека с завещанием, то нам непременно нужно найти такого. Вопрос остается один

– где его отыскать за столь короткое время.

– У нас же есть секретарь, мой личный секретарь, – она посмотрела на советника с надеждой, что тот одобрит ее слова. – Она же в курсе всех событий, нужно только позвать ее и спросить, – Чистякова подняла трубку телефона и вызвала Анну.

– Кто? Идиотка эта малолетняя – да она в двух соснах заблудится, с ее нравом и взглядом недалеким мы эту проблему точно не решим, поверьте, – Артем Григорьевич вспомнил про рубашку. – Вот посмотрите, – он подошел ближе к Екатерине Сергеевне и начал демонстрировать разорванный рукав. – Это она мне сегодня подстроила, ваша секретарша. Главное дело, пришел с утра пораньше искать папку, специально и что вы думаете – Анны вашей этой даже на месте не было. Ну а дальше я вообще молчу, на обычный вопрос про документацию, она насмеялась надо мною и это выглядело достаточно обидно. Говорит: «Вы вот ищите тут, а это не здесь», представляете Екатерина Сергеевна, оскорбляет старшего человека и даже не стыдится, – Артем Григорьевич завелся ни на шутку, в этот самый момент дверь кабинета приоткрылась и в центр события пожаловала секретарша Анна.

– Да что ты такое говоришь, ты посмотри на нее – воплощение всего доброго на этой земле, хоть его уже и не осталось. Не суть, – Чистякова подозвала Анну к себе. – Послушай, милая моя, может ли быть такое, – она говорила очень

медленно, но при этом в ее речи все так же оставалась горсть волнения, – что у нас, в этом здании, считая твоего стола разумеется и архив...

– Не тяните, Екатерина Сергеевна, – перебил нетерпеливый советник. – Так до ночи просидим же. Послушай, Анна, твоя начальница хочет узнать у тебя, есть ли что-то из документов, чего мы до этого не видели или с дуру позабыли рассмотреть внимательней?

– Вы имеете в виду, советник, черную документацию по недвижимости? – Артем Григорьевич немного опешил. – Не волнуйтесь так, я давно в курсе этого, меня еще научил этому бывший нотариус и под вашу душу такой документ и вправду есть.

– Правда? – Чистякова подпрыгнула на месте, ее хмурое лицо моментально сменилось на праздничное. – Так неси же сюда, чего стоишь!

– Подожди, как? – советник не торопился отпускать Анну. – Ну я же ведь все проверил, такого не может просто быть. Это невозможно! Что это за документ, расписка? Если это так, то она не подходит нам.

– Нет, что вы, обычное завещание пожилой дамы, которая как раз-таки пару дней назад изволила покинуть наш мир. Так мне принести его?

– Ступай, дорогая, да поскорее, а нам нужно с советником поговорить кое о чем, – Екатерина Сергеевна подошла к большому окну, что был позади кресла и выжидала момен-

та, когда секретарь закроет дверь с другой стороны кабинета. Когда это произошло, она моментально обернулась и поймала взгляд непонимающего Артема Григорьевича. – Так это ты все нарочно, чтобы меня подставить, да? – советник уж было решил вставить свое удивление, но Чистякова продолжила. – Ах ты поросенок невоспитанный, – с тоскою проговорила она, – а я доверяла тебе, представляешь? Думала значит о нем на постоянной основе, как он там, пади одинок без меня – скучает, а он тут козни против меня решил строить. Молодец, хвалю. Скажи вот только – почему, а? Я все никак не пойму, чего тебе не хватает-то? Молчишь, оно и правильно – лучше молчи.

На кабинет обрушилась гробовая тишина. Чистякова замерла у окна и что-то пыталась в нем разглядеть, Артем Григорьевич стоял у книжных полок рядом с дверью. Создавалось впечатление, что он готовится проговорить важную речь в своей жизни, отсюда было это волнение и полнейшая глухота. Советник все же спустя пару минут решил – он снял очки и начал их снова протирать, после взглянул на недоступный образ дамы у окна и заговорил:

– Послушай, – начал он тихо, – я не хочу говорить о нас в этом кабинете. Может я и поступаю временами неправильно, но, чтобы говорить про меня столь низкие вещи, – он помотал головою. – Ты вот говоришь: «Я не знаю», а я ведь тоже «не знаю». Не знаю почему ты такая и почему так себя ведешь. Почему так относишься ко мне, а если относишься

так, то почему говоришь совершенно иные вещи обо мне. Почему твои слова никак не связаны с поступками. Почему ты такая не логичная. Неужели я дал тебе повод сомневаться во мне? Вроде и так стараешься, из кожи вон лезешь, дабы угодить, лишний раз словом не брошусь, лишь бы не волновалась, а тут на вот тебе – я, значит против нее, против этой святой женщины планы коварные затеваю... Конечно, я не думал, что ты способна сказать такие слова, причем как? С такой уверенностью, дождалась пока эта вобла уйдет, чтобы не слышали – хитрая. За себя трясет, – советник резко прервал свою эмоциональную речь из-за вновь прибывшей в кабинет секретарши, теперь в ее руках томился белый конверт, немного испачканный у левого края чем-то темным.

– Вот это завещание, – Анна протянула конверт Чистяковой, та молча взяла его и принялась открывать.

Артему Григорьевичу было тоже интересно прочесть столь важный документ, поэтому он пододвинулся от полок ближе к столу, короткими боковыми шашками. Екатерина Сергеевна развернула лист, и все принялись рассматривать его, словно под лупой.

– Что за фамилия там? Фамилию найдите, – советник дал команды.

– Госпожа Хлебникова, шестая улица – хм, странно, – удивилась Анна, – а дом не указан. Подождите-ка, шестая улица, это же через дорогу, где мясная лавка, – секретарша подошла к окну и показала пальцем на дома, что стояли напро-

тив. – Вот же она. Правда, какой же дом?

– А никакого, – проговорил советник и тоже подошел к окну. – Госпожа Хлебникова владела всей улицей, начиная от того жилого дома и заканчивая вот тем банком, что обанкротился. Я как-то встречал ее на одном из приемов Рамута, они были в тесных отношениях, – он сделал паузу, – не подумайте – в деловых тесных отношениях, разумеется.

– Я не пойму, – к окну подошла уже Чистякова, – Фамилию нашли – дело сделано, но по тебе не скажешь, что ты рад этому. Что-то не так с этими документами?

– Да нет же, наоборот – все чисто, не придерешься. Понимаете, фамилии-то одной мало, тут человек нужен, – а она, как мне известно еще с тех времен, завещала всю недвижимость сыну своему. Как говорится, годы прошли и любовь вместе с ними. Он давно улетел с этих краев.

– Что, неужто разругались? – полюбопытствовала Анна.

– Разругались, высказали все друг другу, ну знаете, как это бывает, – советник на секунду бросил взгляд на свою начальницу, – а она была человек уже пожилой, толком-то и не ходила никуда, поэтому завещание так здесь и осталось. Конечно, грустно такое говорить, но наши усилия в этом деле напрасны, коллеги, предлагаю подумать еще...

– Анна, а принеси-ка мне выписки из налоговой, по этому вот дому, – Чистякова подошла ближе к окну и тыкнула пальцем на жилое помещение в два этажа. – Справишься? – секретарша кивнула и тут же поторопилась к выходу.

– Это возмутимо, Екатерина Сергеевна! – воскликнул советник. – Что вы задумали сделать с этими выписками? Да молчите, не отвечайте, – знаю и без вас, потому что сам таким промышлял и знаете что, после содеянного я чуть не лишился жизни, когда пожаловали истинные наследники недвижимости, – Артем Григорьевич попытался успокоиться. – Опасную игру ты затеяла, лучше себя впиши туда – проще будет объяснить, если проверят.

– Зачем же себя подставлять, дорогой, а по выпискам из налоговой определим жильца и на время, слышишь, на время, дадим владение собственности этой. Что страшного-то случится?

– Да пойми ты, человек существо не стабильное, мало ли что – посадят же нас! Пока не поздно – одумайся, Боже!

– Послушай меня, – она поднесла свою руку к его щеке, – не волнуйся так, ты чего в самом-то деле. Это всего лишь на пару дней из-за проверки, после сделаем все по-человечески, – она выждала небольшую паузу, дабы Артем Григорьевич пришел в себя. – Ведь ты мне поможешь в этом, верно? – он кивнул ей в ответ, как послушный пес, она прижала его к груди и сказала следующие слова. – Я так рада, что ты появился в моей жизни. Правда рада, – советник обнял ее и прижался чуть крепче. – А знаешь, что я подумала, давай я приеду сегодня к тебе, вечером после работы. Можем распить бутылочку шампанского или чего покрепче, ну или восполнить вечер обычной беседой, с уютом и теплом.

03.

Ипостасей со своей семьей въехал обратно в старую квартиру. На удивление, пожилая старушка, что ранее выгнала их за неуплату, завещала бывшему секретарю банка не просто квартиру, а целую улицу. «Это чудо, всевышнее», высказывался по этому поводу глава семьи и продолжал придерживаться ранее заключенного договора.

Жизнь стала налаживаться. Как обещал Ипостасей невестке, та не смела боле отказывать себе в чем-то. Андрея отдали в одну из самых престижных гимназий, где поначалу он с трудом понимал вообще что-то. Время от времени учителя боролись с его ленью и незнанием, и в конце концов одержали верх. Сам Ипостасей не то, чтобы был счастлив, скорее его состояние можно было описать, как благое спокойствие человека. Он не работал, не занимался своим делом, не выезжал за город, а просто сидел возле окна, постоянно что-то обдумывая. Порой он не замечал, как вокруг него кружится невестка или чем-то интересуется сын. Эта была не замкнутость, а именно спокойствие, спокойствие за других и за самого себя.

Эта семья привыкла изначально жить по скромным правилам и даже получив такое наследство от незнакомки, они продолжали придерживаться тех же устоев. Никаких излишеств на столе, ничего лишнего в гардеробе, бессмысленные

покупки только по светлым праздникам, дабы побаловать себя. Тратить деньги они не умели, особенно в такое тяжёлое финансовое время. Поэтому очень скоро все те средства, что они получали с арендаторов, перестали покрывать даже самые минимальные потребности. Невестку очень сильно волновала данная ситуация, она постоянно пыталась разговаривать Ипостасея, вывести его, так сказать, на диалог, но глава семьи оставался в молчании, продолжая наблюдать людей за окном. «Оглянись вокруг себя, дорогой» – призывала к пробуждению она. «Мы остаемся ни с чем, понимаешь? Ты должен что-то сделать!» – примерно так строился диалог этой семейной пары несколько недель, до того момента, пока в их дом не зашел мужчина в черном.

Это был обычный ленивый день. Ипостасей находился на том же месте, где и всегда, в тот момент, когда в дверь постучали. Оглянувшись, он хотел было позвать кого-то, чтобы не вставать самому, но как оказалось, на его голос никто не отозвался. Глава семьи встал с кресла, посмотрел последний раз в окно и направился к двери.

– Кто? – спросил он через дверь, – Кто? – переспросил в тишину.

– Я к Ипостасею Серебряному по очень важному и деликатному вопросу. Это касается его недвижимости.

Ипостасей приоткрыл дверь и высунулся в проем – напротив его двери стоял тощий, высокий мужчина, лет сорока, одетый в черный длинный плащ из непонятного, но очень ка-

чественного материала, черные глаженные брюки, где стрелки были идеально симметричны друг к другу и дорогие лакированные туфли. Мужчина в черном осмотрел Ипостасея с ног до головы и спросил:

– Так это вы, господин Серебряный? – хозяин осторожно кивнул в ответ. – Ой как хорошо, – протяжноотреагировал загадочный гость. – Я пришел к вам по совету одного моего близкого друга, дело в том, что ситуация немного личного характера и столь важные диалоги, на мой взгляд, не стоит выносить на общий взор, поэтому будет лучше, если вы меня пригласите к себе. Конечно, если вас это не затруднит, уважаемый, – хозяин открыл дверь и чуть отошел в сторону, дабы мужчина в черном переступил порог. – Как у вас тут уютно, – подметил он, – люблю подобного рода квартиры – ничего лишнего, хороший вкус.

– Это не мы делали, – тихо ответил Ипостасей, – это осталось от прошлой хозяйки.

– Наслышан, наслышан, – он поставил свои туфли в уголлок к остальной обуви и прошел на кухню. – Вы же не являетесь ее прямым родственником, ведь так?

– Нет, не являюсь.

– Интересно, – мужчина в черном заметил кресло возле окна, где ранее сидел Ипостасей, – как же так получилось, что эта добрая старушка взяла и отдала вам всю улицу, – он протер спинку кресла от пыли и присел у края.

– Я не понимаю, вы пришли в мой дом, чтобы разузнать

в каких отношениях я был с прошлой хозяйкой этой улицы? Если это так, то не думаю, что у нас с вами получится диалог.

– Нет, что вы, – гость рассмеялся, – это все мое любопытство, поймите, я же не со злым умыслом. Просто ходят слухи и как понимаете, чем страннее сама история, тем страшнее слухи, относящиеся к ней. Но не смею боле загружать вас этой пустой болтовнёй.

– Постойте, а я вас где-то уже встречал, – сказал Ипостасей, – вот только не помню в каком месте и в какое время, – он резко замолчал. – Послушайте, а вы никак не связаны с тем банком, что стоит на углу улицы. Сейчас он, конечно, больше похож на свалку, но раньше там точно стоял банк.

– В каком-то роде вы правы, господин Серебряный. В прошлом, у меня должен был быть договор с банком, но по некоторым плачевным обстоятельствам, этот договор так и не был подписан.

– Да, да, я припоминаю вас. Вы были у нас весною. Это пальто и очки с туфлями – точно, это были вы, – говорил с удивлением Ипостасей. – Помнится, вы занимались ресторанным делом, про вас ходили далеко нелицеприятные разговоры в нашем банке... Но причины, увы я не припомню.

– Господин Серебряный, у вас феноменальная память скажу вам. Я и правда занимался и к счастью занимаюсь ресторанным бизнесом. Скажу так, что это дело далеко не простое, но с годами привыкаешь. А то, что вы говорили про диалоги косые, так это связано все с тем же. Понимаете, я

занимаюсь не просто ресторанами, а подпольными казино. Просто в наше время, открыть обычное казино для человека трудно, а вот если это называется «Рестораном», то дела идут куда проще. Мы же как живем с вами – в мире дураков, где правит всем маскарадом сугубо чистая формальность и возвышается над истинным человеческим тоном, пусть даже немного и горьким. Сейчас, в наше время, имея кипу бумаг и перечень нужных печатей, можно не выходя из кабинета устроить переворот, даже если ты не являешься участником политической элиты. Страшно, как никак... Вот вы говорите, господин, разговоры нелестные ходят обо мне, а все почему, потому что за счет других обогащаюсь, по крайней мере так думают. И причем все же прекрасно знают, кто я такой, где стоят мои казино и заметьте, никто никого не тянет туда... Я вот чего хочу сказать-то, словами страшными поливают, а играть все равно ходят – люди. Понимаете? Я к этому уже привык, и привык давно. Да и если налоговая и другие службы разрешают этим заниматься – грех не пользоваться ситуацией, – мужчина в черном откинулся на спинку кресла и повернул голову в сторону окна, – как же все-таки тут красиво у вас, – заметил он. – Вам не приятны мои слова господин Серебряный?

– Нет, что вы. Мне по правде все равно на вас и на ваше казино. Я другого понять не могу, от меня-то чего вы все же хотите? Деньгами большими я не владею, уж простите, под вашу душу отсчитать я не смогу.

– Деньги ваши мне не нужны, господин Серебряный, – резко ответил мужчина в черном. – Понимаете, время сейчас не простое, каждый вор, убийца и обманщик. Наверное, и кризисы такие в обществе, что люд пошел не по совести жить. Впрочем, это сейчас не важно, а важно то, сколько вы протяните на одних лишь только налогах от арендаторов. Ведь, я так понимаю, вся улица ваша и все, что на ней находится сдается только в аренду, я прав? – он посмотрел на Ипостася, тот кивнул. – Так вот, спустя пару месяцев разорится лавка, спустя еще пару недель разорится магазин одежды, а после и других съест наша нынешняя финансовая проблема. Ведь сейчас как, товар есть, денег нет, а это самое худшее условие для рынка, в том числе и для вас. Я к чему веду, ресторан может и пропадет так же, как и остальные, но вот ресторан-казино – не в жизни. Я человек, который не говорит пустого, уж поверьте за годы моей жизни и обычно, по своим правилам, уж простите мой эгоизм, я не арендую помещения под свои нужды. Я их только покупаю.

– Вы хотите купить улицу под казино? – удивленно спросил Серебряный.

– Нет, вы меня неправильно поняли. Улица слишком велика для меня одного. А вот помещение, где ранее стоял банк, что кстати обанкротился – отлично бы подошло под мое новое заведение. Я понимаю, предложение может показаться странным, но поймите и меня, мой бизнес процветает, я уже не молод, а смысла в жизни другого не вижу. Поэтому

заплачу без жадности, позвольте листок бумаги, – Ипостасей оторвал клочок бумаги и положил на стол перед гостем, тот достал маленький заточенный карандаш из кармана пальто и написал сумму. Сумма была неприлично большой. – Вы подумайте над моим предложением, как видите я не намерен обидеть или обмануть вас. Если все же надумаете, отправьте письмо по этому адресу, – мужчина в черном протянул свою визитку хозяину квартиры, – а мне пора, надеюсь на скорую встречу. И да, если вдруг у нас все же получится объединить силы в нелегкой войне с финансовым кризисом, буду рад вас видеть в ресторане, не волнуйтесь, вы всегда будете для меня почетным гостем.

Мужчина в черном целенаправленно вышел из кухни, обулся и моментально исчез чрез входную дверь квартиры, оставив после себя шлейф от дорогого и тяжелого парфюма.

Ипостасей положил визитку на стол, рядом с бумажкой, где значилась цена за продажу банка и снова присел возле окна.

– Папа, кто это был? – слышалось из-за двери. – Он хотел что-то продать? – Андрей аккуратно зашел на кухню, дабы не потревожить отца.

– Этот человек, хотел купить наш банк, что в конце улицы.

– Но он же давно не работает, – Андрей подошел к окну и взобрался на подоконник. – Кому нужен нерабочий банк?

– Вот именно, никому, – Ипостасей тяжело выдохнул.

Лучи солнца в это время пробирались в окно и освещали

почти всю площадь кухни, особенно ее центр, где находился стол. Солнце было настолько ярким, что вся комната окрашивалась в желто-оранжевые оттенки, создавая атмосферу уюта, не спрашивая об этом человека.

– Я кое-что нарисовал, – Андрей протянул альбомный лист. – Вдруг тебе понравится, я правда очень старался.

– А почему не закрасил до конца? Ничего же не понятно, – Андрей перевернул лист верх ногами и снова показал отцу. – Другое дело, а я уж было подумал, что твоя школа плохо на тебя влияет, – он поднес рисунок ближе к себе, – посмотрим, что тут у нас, – Ипостасей долго всматривался в нарисованное, он вглядывался буквально в каждую линию, при этом строя удивленное лицо.

– Тебе не нравится? – спросил маленький Андрей. – Порви этот рисунок, я еще сделаю, намного лучше.

– Нет, не торопись так. Во-первых, мне понравился твой рисунок, по крайней мере не вижу причин его ненавидеть. Во-вторых, если ты так будешь относиться к своим работам, то ничего хорошего из этого не выйдет, уж поверь. Я понимаю, что художник должен быть критичен к себе, но ведь не настолько. Представь, если бы великие творцы поступали так же, как ты в данной ситуации. Мы бы сейчас не лицеизре-ли всего того, что делали они.

– Но тебе же не понравилось, я вижу.

– Мало ли что я думаю об этом рисунке. Вопрос в другом, что думаешь о рисунке именно ты, – он сделал акцент на

последнем слове. – Думаешь, не в плане – собрал мнения и сделал свое, а в плане именно своих мыслей. Это важный момент для художника, сынок, уж поверь. Вот скажи, тебе нравится рисовать?

– Конечно нравится. Можно нарисовать все, что угодно, даже если этого и нет на самом деле.

– Вот видишь, а теперь представь, сидишь ты дома в своей комнате, перед тобой лист бумаги и куча разных карандашей. Только ты начал рисовать, как в комнату заходит человек, который, смею заметить, никак не относится к твоим рисункам и начинает наблюдать за тобой. Ты в это время не обращаешь на него внимания, а продолжаешь рисовать. Вот ты вывел одну линию, вторую, третью и стало что-то вырисовываться. Человек этот значит увидел все это безобразия, подходит к тебе и говорит: «Слушай, мне не нравится это. Ты должен переделать. Сделай вместо этого – слона». Ты, как порядочный ребенок, начинаешь как-то исправлять эту ситуацию и рисовать слона, причем на том же листе, поверх своего рисунка. В это время в комнату вбегает еще один человек, который так же никаким образом не связан с твоим творчеством и так же начинает наблюдать за тем, что ты делаешь. Наконец подходит время показать рисунок, напомню, что на нем «должен» быть изображен слон. Ты показываешь слона, первому это вроде как нравится и даже он не против повесить у себя это на кухне, а вот второй категорически против слонов – его в детстве он укусил за ногу. Как

же быть в такой ситуации?

– Нарисовать каждому по рисунку, чтобы все остались довольными. Только вот, времени уйдет много, – сказал Андрей, – захотят ли они ждать?

– Ну это дело уже сугубо личное. Вот ты, к примеру, сначала нарисуешь рисунки для них или нарисуешь рисунок, который хочешь – свой, так сказать?

– Свой. Просто, если я начну рисовать другие рисунки, то я позабуду, что хотел нарисовать сам.

– Какой же ты все-таки у меня умный парень, – Ипостасей ласково причесал сына, тот немного рассмеялся, – поэтому, помни, никогда никого не слушай, особенно, если это касается дела, всей твоей жизни. Особенно, если это люди, которые никак не связаны с тем, что делаешь ты. Поверь мне, сейчас в этом мире очень много советчиков – учат как жить других, а сами из себя не представляют и ломанного пальца. Ты должен быть сильным и не идти на поводу у таких личностей. Просто делай то, что нравится тебе самому. Если захочешь быть художником, я сделаю все, что в моих силах. Потому что ты, Андрей, вся моя жизнь, – он посмотрел на рисунок еще раз. – Кто это?

– Это ты.

– Я? – Ипостасей положил рисунок на стол рядом с другими бумажками. – Ну а почему ты меня нарисовал именно таким?

– Просто мне показалось, что это твое любимое занятие.

– Сидеть и смотреть в окно? Какое же это занятие. Нарисовал бы, я не знаю, себя, меня, маму в конце концов. Почему здесь я один, можешь объяснить?! – Андрей ничего не ответил. – Прости я тебя напугал, дурак я, – Ипостасей приобнял сына, – прости меня. Просто я не могу понять, почему именно так, а не по-другому.

– Понимаешь, ты всегда такой, какой на этом рисунке.

– Понимаю, но это же рисунок, а не фотография. Здесь мир можно сделать другим, не обязательно же рисовать то, что видишь. Ты же сам сказал, можно придумать что-то. Разве нет?

– Я не хочу придумывать тебя и уж тем более придумывать вас с мамой. Пусть это будет рисунком из правдивого мира, – Андрей посмотрел на отца. – Я же говорил, что тебе не понравится, – он соскочил с подоконника и направился в свою комнату. – Ты только не обижайся на меня, все же хорошо.

– Да, никаких обид. Все и вправду. Хорошо.

Кухня вновь опустела. Ипостасей остался один среди бурления ярких лучей. Он положил ногу на ногу, тяжело вздохнул и как всегда направил свой взор через окно.

04.

В квартире советника, что находилась недалеко от центра по-прежнему было тихо и темно. Сам Артем Григорьевич не любил шуметь, но если попадалась хорошая компания, то он не видел ничего плохого в том, чтобы повеселиться. Вот только компании уже давно не попадались ему и в большей степени, советник вел затворнический образ жизни. В свободное время он любил ходить по магазинам и тратить деньги. Это он называл «прогулкой». Если был выходной, она могла начаться с самого утра и продлиться весь день, когда изнеможённый Артем Григорьевич ползком с сумками добирался до своей квартиры. Он любил каждую купленную вещь, и не было разницы, будь то это небольшой столик в стиле древней китайской эпохи или же шелковый костюм, сшитый на заказ с красной тесьмой. В этом и была, наверное, жизнь советника – работать, покупать, радоваться купленному, а потом опять работать. Вот только радости последнее время Артем Григорьевич не испытывал, даже от прогулок. Он постоянно чувствовал тяжесть в области своих легких. Будто время от времени на его легкие давили грузом в килограмм пять, а после это тянущее состояние перемещалось к ногам. Советник понимал с чем это было связано. Она была, по его мнению, глупой и в то же время обладала невероятной стойкостью во всем, она моментально овладевала тем,

что хотела прямо здесь и сейчас, она прекрасно разбиралась в людях, она была неотразимой в любое время суток и она тихо убивала его, убивала медленно, убивала мыслями, как и подобает женщинам такого характера, в то время мужчине остается только наблюдать, как красиво он падает.

Советник уже месяц не выходил из своей квартиры. Он не спал, не ел и даже подумывал взять отпуск за свой счет, дабы не встречаться с Чистяковой. Она настолько завладела его разумом, что выглядывая иногда в окно, Артем Григорьевич видел только ее образ. Дни давно превратились в один длинный, и стали напоминать скучный, человеческий кошмар без конца. Так проходила жизнь...

В ту ночь он сидел на кухне и смотрел в пустую стену, пытаясь предать смысл всему тому, что происходит. Для него это не первая ночь раздумий, частенько он молча сидел до самого утра, а после смирившись, шел в кровать и спал до обеда. Но сегодня, именно в эту ночь, советник был уверен, что что-то изменится, что-то случится и это самое убьет терзания души бедного мужчины. Это самое «что-то» произошло.

Артем Григорьевич поначалу не расслышал стука в дверь, но после третьей громкой попытки он вскочил с кресла и подбежал к глазку – на другой стороне стояла Чистякова. Он начал неспешно открывать дверь, дабы не раскрыть себя. Тут же постучали в четвёртый раз. Советник дернул ручку от себя:

– Ну наконец-то, Боже, я уже стала паниковать, – Чистякова быстро перешла порог. – Как же там холодно, я почти не чувствую ног.

– Можешь принять ванну, если хочешь, – Артем Григорьевич закрыл входную дверь и показал на тапочки. – Одень это, быстрее согреешься, – Екатерина Сергеевна приняла предложение хозяина и торопливо сняла туфли на высоком каблуке.

– Ты не представляешь, где я сегодня была, – хромая на левую ногу, Чистякова благополучно перешла на кухню и присела на место советника. – В доме сына начальника Завода. Помнишь тот, что находится на окраине?

– Я думал, его давно закрыли.

– Его и вправду закрыли, а вот деньги остались. Ты бы видел этот дом – сказка наяву. Я влюбилась с первого взгляда...

– Что же ты делала в этом доме?

– Как что? – с удивлением спросила Чистякова. – Работала. Ты что, не понимаешь? Завод, старик владелец, дом сына... Представляешь какое наследство там? А вот, чтобы откусить этот лакомый кусочек пирога, нужно и организовывать подобного рода встречи.

– Просто я не понимаю, при чем здесь его сын.

– Да ты сегодня не в духе, я тебя разбудила? И как я только посмела...

– Ты можешь ответить на мой вопрос? – нервно переспросил Артем Григорьевич.

– Ты завёлся не на шутку, успокойся, нет повода для паники. Отец его тоже там был. На кой черт мне мотаться к его сыну, ты сам-то подумай, – советник налил в стакан воды из-под крана и выпил залпом. – Тебе не здоровится? Ты весь какой-то бледный и странный.

– Со мною все в порядке, просто ты меня разбудила и пока, мне трудно прийти в себя.

– Неужели, – Чистякова привстала и начала игриво подходить ближе. – Вы вероятно очень устали, господин советник, – она взяла его руку и положила к себе на талию. – Наверное в данной ситуации необходим отдых, – она обняла его и положила голову на плечо, он не подавал признаков жизни. – Ну ладно тебе, перестань. Я пришла вообще-то к тебе, а не на твою кухню, – она оглядела взглядом пустые стены и задержалась на картине, что одиноко висела по центру, – Интересная картина, – она отпустила Артема Григорьевича и подошла чуть ближе, – откуда она у тебя?

Картина висела в центре одной из стен, под которым стояло кресло. На этой картине была изображена незатейливая композиция: на фоне черной комнаты сидел мужчина, один бок смотрел на владельца картины, а другой был невидим для глаз. Позади было окно, куда как раз-таки и направлялся взор этого человека. На переднем плане горел свет, выходящий из другой комнаты, но других людей было не видно. Мужчина сидел и просто смотрел в окно. Картина была выполнена на манер авторов эпохи Возрождения. Художник

отказался вписать свое имя в лепту искусства, поэтому она носила название без автора: «Снова».

– Мне ее подарили, – с тяжелым вздохом ответил советник, – вернее сказать, ты мне подарила ее.

– Разве? – удивилась Чистякова. – Я такого не припомню, – она вновь повернулась к картине. – Слушай, мне нравится, а не дурно я с подарком угадала. А давно она здесь у тебя висит?

– С полгода может, но знаешь, она мне, как сказать, не по духу что ли...

– Тебе не нравится? – ответа не последовало, вместо этого, советник налил еще один стакан воды и выпил залпом. – Не обижайся, но тебя не понять – хорошая картина, а он нос воротит. Ты вообще себе представляешь, как долго ее рисовал художник? А ты раз и «не нравится».

– Ну не мое это, понимаешь? Мне нравятся картины немного другого склада. Картины, на которые можно смотреть и каждый раз открывать в них что-то новое, а это какой-то китч просто-напросто. Вот, ответь мне на вопрос, вот чего он все сидит, а?

– Так он любит же в окно, вот и сидит.

– Любуется? Каким образом можно любоваться, раз вокруг такое у него. Вероятно, ты не поняла смысл задумки.

– Ну давай, расскажи мне, – усмехнулась Чистякова, – ты же у нас специалист, искусствовед, я и забыла, прости.

– Вот только не нужно этого, прошу. На картине прекрас-

но видно атмосферу, и она далеко не добрая и яркая, как тебе хотелось бы считать. Человек не будет сидеть в пустой квартире просто так и смотреть в окно.

– Но там же свет, смотри, вот в этой комнате спереди.

– Да это не важно, до него слишком далеко...

– У тебя есть что-нибудь выпить? – перебила Чистякова. – У меня во рту пересохло, – Артем Григорьевич потянулся за стаканом, чтобы налить воды. – Если можно, то что-то покрепче.

– У меня нет больше в доме алкоголя. Могу предложить только воду или сок.

– Тогда, пожалуй, не нужно, – она снова уселась на кресло перед советником. – Так что ты говорил про картину эту?

– Я уже забыл, – он сделал паузу, она тоже молчала. Советник присел за стол и стал незаметно осматривать ее. – Ты исправила те фамилии в документе? – Чистякова пожала плечами, ее волосы чуть шелохнулись, подобно могучей морской волне, что быстро распадается после удара о скалистый берег. – Уже много времени прошло, а если он продал что-то? Нам же не вернуть обратно все это, а даже если и вернуть, то представь, что будет с нами после всех этих судов.

– Может сходим куда-нибудь? – прошептала она. – Мы так давно никуда не выбирались вдвоем.

– Дорогая моя, нам бы от уголовной ответственности выбраться, дело-то не шуточное, хочу заметить, а ты пускаешь

все на самотек. Так ведь не работает это. Представь, если Рамут работал бы по такому же принципу, – он встал и подошел к окну, – ничего бы этого не было. Ни со мною, ни с тобою.

– Хочешь сказать, я слабый человек? Да нет, не старайся даже, – она бросила печальный взор на Артёма Григорьевича, – я все понимаю. Это ты может думаешь, что я слишком наивна и поступаю легкомысленно, но наверное, я просто не могу иначе, понимаешь. Не приучена к другому порядку, так сказать. В моей жизни и порядка-то не было никогда – все сумбурно, второпях, да без особого раздумья. Но знаешь, я не жалею. Честно. Вот предложи мне другую жизнь, умной и порядочной – отказалась бы не раздумывая. Потому что обычно такие рождаются ярко, окруженные в ласке да заботе, а после серо гниют, оставив после себя пустую телефонную книжку. На мой взгляд в наше время этого-то и не хватает – какой-то решительности, дурости что ли. Все сидят на своих местах, все у всех по правилам и по порядку, а я так не привыкла и так не хочу. Вот посмотри на секретаршу, к примеру. И чего? Умница – безусловно, красивая, но рывкнуть и решить что-то весомое – рука не подымится у человека, ибо порядок. Как это так, сделать что-то из вон выходящее для человека – абсурд чистой воды... А для меня это и есть жизнь. Я привыкла жить в абсурде. Ты же должен это понимать, разве нет? Я думала, что это и есть причина того, что мы вместе.

– Да не в этом дело, Екатерина. Ты человек далеко не глу-

пый, опытный. Но нельзя же рисковать собственной жизнью, ради того, чтобы держаться самой себя. Если от этого зависит твое дальнейшее существование, почему бы не взять, я не знаю, и немного поменяться. Я же говорю это не для того, чтобы вред нанести, а наоборот – пытаюсь помочь.

На квартиру обрушилась тишина. Все смотрели по разные стороны. Артем Григорьевич открыл кран и налил очередной стакан воды и поставил на стол.

– Мне, наверное, пора, – без эмоций начала Чистякова, – завтра на работу, – она встала и пошла по коридору к своим туфлям. Артем Григорьевич последовал за ней. Она поспешила обуться, а он молча стоял в проходе.

– Я вспомнил, что хотел сказать про эту картину. Она время от времени напоминает мне бесполезность... и зачем ты только подарила мне ее, – Екатерина Сергеевна ничего на это не ответила и собралась уже открывать входную дверь. – Надеюсь ты все же одумаешься, дорогая. Все-таки теплится у меня такая мысль в голове.

– Дом и вправду был сегодня чудесный, – сказала она. – Вот только дверей там мало. Мне пора, прости, что побеспокоила в столь позднее время.

– Да ничего страшного, всякое бывает. А ты чего вообще приходила-то?

Чистякова последний раз окинула разочарованным взглядом советника и стены его квартиры, открыла дверь и вышла прочь.

Артем Григорьевич вернулся на прежнее свое место. «Вот же» – бормотал он себе под нос. «Вот же идиотка... Будто я не понимаю ничего. Работать она видите ли не хочет, меняться под других ей незачем, но зато разъезжать по домам это за милую душу для нее. Хоть бы ногу она подвернула, может поменьше скакать будет...».

05.

Чистякова проезжала в машине, когда увидела за поворотом яркие вспышки огней. До этого, ее глаза не видели ничего подобного. Словно кусочек солнца поместили ночью посреди улицы.

– Вы не знаете, что это такое? – спросила она у водителя. – Могли бы остановить, я хочу полюбоваться этим видом.

– Как скажете, госпожа, – пожилой мужчина завернул к бульвару и остановил транспорт. – Это, госпожа, новый ресторан такой. Не слышали разве? Он же напротив вас стоит.

– Напротив, что?

– Напротив вашей работы. Вы что, госпожа Чистякова, пьяны? Вы работаете в здании через дорогу, – он показал пальцем на большое сооружение на другой стороне улицы, – это же ваше окно, где вы сидите и работаете. Или я не прав?

– Нет, вы правы. Наверное, был просто трудный день, – она еще раз оглянула ресторан через окно машины. – Как же красиво. А вы там были?

– Госпожа, я шофер, – он повернулся к ней лицом, – на мои деньги по таким местам ходить вредно, так сказать.

– Это почему же, дорогой мой, вам вредно ходить по ресторанам?

– Потому что, есть вероятность при моей душе азартной оставить всю зарплату в данном чудесном заведении. Это же

не просто ресторан, а подпольное казино.

– Никогда не была в казино, – она посмотрела на часы, время было довольно позднее. – Я, пожалуй, выйду здесь, а вы езжайте домой, отдохните.

Чистякова вышла из машины накинув короткую дубленку из песка. Из кармана она вытащила небольшой платок и второпях обмотала им шею. После из другого кармана дубленки она вытащила маленькую коробку с духами:

– Вы, госпожа, аккуратней в этом месте, – высунулся из водительского окна шофер, – тут такие персоны, что живо-два обведут вокруг пальца, еще в долгах оставят.

– Правда? – она нанесла немного духов на открытую часть тела в области шеи и убрала коробочку обратно в карман. – Значит я именно там, где мне нужно быть. Прощайте, дорогой.

Машина уехала вдаль пустеющих улиц, оставив Екатерину Сергеевну одну у входа в ресторан. Она подошла к большой белой двери, где томился наблюдатель. Этот свирепый мужчинка оглядел Чистякову с ног до головы, а после строго спросил:

– У вас не будет спичек? – Чистякова помотала головой. – Тогда, добро пожаловать и хорошего вам вечера, – мужчина открыл сверкающие белые двери ресторана и почти что моментально, Екатерина Сергеевна почувствовала выходящее оттуда тепло. Она переступила порог и двери медленно закрылись за спиною, оставив наблюдателя вновь в одиноче-

стве.

Изнутри подпольное казино казалось намного больше. Длинная и громадная лестница от входных дверей спускалась напрямиком вниз и вела в зал под номером один – гардеробная. Это было подобие большого зала, с красивыми хрустальными люстрами, стеклянными стенами во всю высоту и узорчатым полом из слоновой кости. Стулья, диваны и столы в этом зале были выполнены в красных тонах, повсюду чувствовался бархат и их загадочная любовная связь с золотом и хрусталем, которые безбожно кричали за счет своих игрищ на свету. Сама гардеробная была небольшой: простоя стойка для сотрудника, простые темные шкафчики с крючками и номерки из бархатной ткани, где на обратной стороне было написано «Добро пожаловать».

– Что-то еще будете сдавать? – спросил гардеробный, Чистякова помотала головой в характерной ей манере, тот ненадолго удалился к шкафчикам и вынес бархатный номерок с цифрой пять. Она уже торопилась взять его в свои руки, но мужчина отвел номерок и скромно спросил:

– Послушайте, а у вас нет спичек?

– Простите, но я не курю, – мужчина обречённо вздохнул, она терпеливо дождалась пока он все-таки отдаст ей номерок от шкафчика. – Куда мне теперь?

– Идите прямо, в следующий зал. Зал номер два, – мужчина неохотно бросился словами и поспешно удалился.

Зал номер два был основным залом, где находился ресто-

ран. Это было помещение вдвое больше, чем гардеробная с длинными ее коридорами. Маленькая лестница вниз отделяла залы друг от друга, люди с легкостью могли определить в какой стороне идет вечер. Музыка, что доносилась со второго зала была слышна и наверху той лестницы, а с каждой пройденной ступенькой звук нарастал, как и чувство роскошного праздника. Фоновые мелодии здесь не славились своим многообразием, ресторан делал ставку на живое исполнение, поэтому каждый вечер, после полуночи и до самого утра играл джаз профессиональными музыкантами. Был случай, когда эти самые музыканты перепутали ноты, один из них стал играть отрывок из классической оперы, а все остальные держались программы. Оплешность помогли заметить сами присутствующие. Люди жаловались на колкость звука и неразборчивость, но в то же время, гостям понравилось необычность мотива. Поэтому было решено сделать смесь из отрывков классической музыки и джаза, которая отныне играла в этом ресторане на постоянной основе.

По всему периметру зала был расстелен большой бархатный ковер красного цвета, стены здесь были высечены из золота, а на потолке висела громадная люстра из хрусталя, железа и серебра. В люстре насчитывалось около сотни лампочек, дабы осветить все помещение. Столы и стулья были выполнены так же из слоновой кости – любимый материал владельца заведения.

Чистякова спустилась по небольшой лесенке вниз на еще

один ярус. Внизу ее ждал наблюдатель ресторана:

– Добро пожаловать, мадам, – радостно вскрикнул он. – Вы бронировать столик?

– Нет, столик я не бронировала. Я тут вообще мимоходом, решила заглянуть, так сказать. У вас только по записи?

– По-другому, Госпожа...

– Чистякова.

– Госпожа Чистякова не можем работать, – в его словах был яркий иностранный акцент, который он явно не пытался скрывать, – понимаете, вся обстановка, очень большая и если работать не по записи, то ресторан не поместит столько персон. Вы понимаете?

– Но неужели ничего поделаться нельзя? У вас я смотрю приличное заведение и неужто оно оставит одинокую даму без бокальчика вина, – Екатерина Сергеевна улыбнулась. – Я же могу и жалобу на вас написать, – наблюдатель слегка растерялся, его что-то смутило, это что-то надвигалось позади Госпожи Чистяковой.

– Позвольте, – мужчина в черном схватил руку Екатерины Сергеевны, она немного вздрогнула. – Ну что же вы пугаетесь меня, я вам помочь значит решил, а вы так со мною обходитесь, – он с улыбкой посмотрел в ее глаза, а после спросил у наблюдателя. – Аншлаг? – тот кивнул. – Все же нужно что-то придумать с этой дамой, нельзя ее оставлять здесь, понимаешь?

– Нет проблем, Господин, – он посмотрел на Чистякову. –

Следуйте за мной, а еще Господин... – он окликнул мужчину в чёрном, который направлялся к бару. – Господин Серебряный изволил посетить наш ресторан снова, вы говорили предупредить вас об этом, – мужчина кивнул головой, наблюдатель снова повел Чистякову к столику. – Не торопитесь, госпожа...

– А кто это был, тот мужчина в черном? – спросила она с любопытством.

– Это владелец, госпожа, – он остановился у большого стола в центре зала, и отодвинул стул. – Прошу вас, – Чистякова присела. – Меню сейчас принесут, если что-то произойдет – зовите. Ах да, еще одна маленькая ситуация, возможно на некоторое время к вам могут подсесть другие наши гости. Поверьте, это не из-за того, что мы хотим сделать вам плохо, а из-за того, что нет больше мест.

– Я понимаю и поверьте не вижу ничего оскорбительного, но знаете, что? В каком-то моменте я уже оскорблена, – наблюдатель испуганно посмотрел на нее. – Я в вашем заведении уже столько времени, а вина мне так никто и не налил.

– Вас понял, госпожа, – усмехнулся наблюдатель, – один момент.

Спустя несколько минут на столе красовалась бутылка ароматного вина, к ней принесли три бокала, и официант со скрупулёзностью начал разливать напиток.

– Это на три персоны? – спросила Екатерина Сергеевна. – Я никого не жду, прошу заметить.

– Что вы нет, это все вам, Госпожа. Этот трюк мы привезли из-за границы. Дело в том, чтобы гость почувствовал настоящий вкус вина, нужно время для раскрытия. А делается это с помощью обычной реакции с кислородом. Пока вы будете наслаждаться первым бокалом, второй будет как раз-таки насыщаться, – он долил остаток вина в третий бокал и бережно поднес первый к Чистяковой, – А вот когда вы возьмете третий бокал, вы поймете, что все это было не зря. Получается так, что каждый последующий бокал, что вы пьете будет намного вкуснее и ярче, чем уже выпитые. Это небольшая хитрость дарит вам истинные ощущения. Наслаждайтесь.

– А если я не выпью столько?

– Ну что вы, ради такого случая попробуйте взять себя в руки. Тем более, вы уже отдали свои кровные за бутылку.

– Знаете, таким образом меня еще никто не спаивал, – сказала Чистякова, и залпом опрокинула первый бокал вина.

Официант скрылся среди дымных столиков, а она наконец-таки за все это время решила расслабиться под немного странную живую музыку, что цепляла и в то же время вызывала чувство тошноты.

В зале номер два было очень шумно. По всем столикам раздавался звонкий смех дам и порой безумные крики их кавалеров. Но даже эта атмосфера не могла заглушить смех за столиком номер пять, где в присутствии большой компании слышались необычайно шумные выкрики для челове-

ка, даже слегка пьяного. Далеко не молодые господа, стояли во фраках, буквально облепив всю территория столика, где в эпицентре всего восседал мужчина средних лет и эмоционально что-то рассказывал.

Чистякову мучило любопытство, она тихонько подкралась к заветному столику, слегка отодвинув мужчин, что преграждали дорогу и присела на свободное место, рядом с хозяином стола.

– Смотрите, что за ангел, подсел к нам, господа, – подметил один из пожилых мужчин. – Свататься к вам небось пришла, – все вокруг засмеялись.

– Ну расскажите, милосердный еще разок про тот рисунок, – один из стариков умолял господина, чуть ли, не став пред ним на колени. – Какая же нелепая все-таки ситуация вышла, – засмеялся он, – а представьте этот олух действительно поверил во все сказанное, ну расскажите, дорогой вы нам еще разок...

– Господа, на этом сделаем перерыв, – вокруг собравшиеся персоны завыли в один голос и стали расходиться. – Господа, ну не сердчайте так, всем когда-то нужен отдых. Выпейте чего-нибудь, а чуть позже я к вам подойду сам. Договорились?

– Вы я смотрю у них нарасхват, – подметила Чистякова, – и что это за истории такие, что сводят столь серьезных персон с ума. Не поделитесь?

– Да истории самые обычные. Тут, наверное, подход ва-

жен, а не содержание. Понимаете, Госпожа...

– Чистякова, Екатерина Сергеевна.

– Очень приятно, Ипостасей Серебряный. Хотя те господа, уже третий день предлагают сменить фамилию на Золотова. Придумают же нелепые прозвища, – он посмотрел в ее глаза. – Вы нынче угрюмая, у вас что-то произошло? Простите, если я лезу не в свое дело, просто это не порядок, такая женщина, в таком месте и с таким печальным видом.

– Ну знаете, нам свойственно грустить по пустякам. Кстати, про веселье, вы не пробовали здешнее вино? Оно и вправду превосходное, как про него говорят, – Серебряный помотал головой. – Что вы, вам непременно нужно это попробовать, – Официант! Вина!

– Вы решили таким образом, поднять нам настроение, Екатерина Сергеевна? – с ухмылкой спросил Ипостасей.

– Нет, что вы, просто я решила напиться, – официант подбежал к госпоже и принял заказ. – А вы не хотите разве? Что вы думаете все, в такое время. Это скажу я вам – не по-человечьи. Поэтому, если не хотите обидеть меня, то попробуйте вина, его скоро принесут.

– Вы плохого мнения обо мне. Выпить с вами я почти за честь, а вот что вы про «думать» сказали, согласен с вами – осточертело постоянно о чем-то мыслить, к черту все, напьюсь!

– Вот это правильно, это я в людях ценю, – официант принес две бутылки вина и к ним шесть бокалов, – а вот кстати

и вино, все по расписанию, – шустрый молодой парнишка быстро разлил напиток и у Чистяковой в руках уже томился первый бокал. – За что выпьем, Господин Серебряный?

– Предлагаю, за встречу. Столь непредсказуемую, но весьма интересную, – они чокнулись бокалами и опустошили их залпом.

– Вот вы говорите, думать вам надоело. А вы что, много думаете в жизни?

– Ну разумеется, Екатерина Сергеевна, как же без этого жить. Вся жизнь сплошные раздумья в потемках.

– А о чем вы думаете, если не секрет?

– Да о разном, знаете ли. То могут быть обычные ситуации, связанные с семьей и домом, а могут быть далеко не ситуации и далеко не простые. Я говорю о некоем смысле что ли. Понимаю, звучит может по-детски, но последнее время такие вопросы меня стали волновать намного больше. Не знаю даже, из-за чего все это, будто на меня напала тяжелая хворь...

– Вам просто скучно, Господин Серебряный, вот и все. Займитесь чем-нибудь, вы, человек далеко не бедный судя по костюму, к тому же семейный, а значит и забот навалом. Так чего же вам все не хватает? – Ипостасей пожал плечами. – Ну не знаю, заведите любовницу в конце концов, или еще больше – разведитесь... а после снова женитесь, только уже не на той, это глупо. Понимаете, у вас есть источник всех дел в жизни – деньги, а это самое главное благо в нашем

мире.

– Да не в этом дело, дорогая. Я, когда в мыслях-то своих был, а был я там довольно продолжительное время, понял, что человеческая натура – одиночество и скуку принимать за погибель, а остальное за жизнь. Это значит все, что делает человек, все, к чему он так трепетно относится, заведомо есть побег от одиночества. Мы не хотим быть оставленными, понимаете? Отсюда все эти признания, браки, нелепые дискуссии на счет того, кто кого любит. Мы возводим все это в очень важную степень и не понимаем ради чего на самом деле творим это. Вот представьте, человек полюбил другого человека. Он по сути уже себе не принадлежит, потому что любовь – это жертва, жертва одного ради другого. И вот значит, эти двое людей приходят к тому, что оба любят друг друга, только один по-своему и второй по-своему. Спустя некоторое время, выясняется, что второй ошибся в своих чувствах и спутал любовь и привязанность к человеку. Первый, естественно в панике, как это так, я люблю значит, а меня нет. Случается, человеческая катастрофа... Первый тонет в своих терзаниях, второму стыдно, а все это произошло из-за чего? Из-за банального одиночества и тоски по человеку. Не сказал бы второй, что любит, может и не было бы всего этого после. Не сказал бы первый про свои чувства, не было бы такой боли. Хотя вначале, при первой встрече у каждого была лишь одна цель – спастись. Спастись от пустоты, – он взял второй бокал вина и выпил. – А знаете,

что самое смешное, человек даже после всего этого пойдет и влюбится и будет так же кричать о своих чувствах. Ну вот вы, разумная женщина, скажите, неужели это не глупо?

– А что умного в любви? Испокон веку считалось это самым неблагородным состоянием. Вы говорите в какой-то манере правильные вещи, но очень, на мой взгляд подаетесь в крайности. Ничего нет плохого в том, что человек ищет другого человека, дабы спасти себя. Вопрос в другом, почему мужчину в достатке и с семьей волнуют столь примитивные вопросы? – они подняли по третьему бокалу, Господин Серебряный тяжело вздохнул.

– Так, если человек делает это из-за одиночества, то получается моя семья создана по тем же причинам.

– И что в этом плохого, вы же счастливы?

– Не в этом дело. Поймите, если это было из-за тоски по человеку, то значит изначально возникшее чувство была не влюблённость, а просто радость за то, что я все-таки смог сбежать от пустоты. Понимаете, это две разные вещи, а после мы обручились, появился ребенок... Так и здесь любви настоящей не было получается, за счет чувства ответственности делались последующие шаги. И вы еще говорите, что тут удивительного. Да никакие деньги во всем мире не спасут человека от больной мысли в голове, если она действительно настоящая. Хотя, у нас нынче любят выдавать себя за «слишком эмоциональных персон», дабы быть окруженными людьми, что жалеют и протягивают руку помощи. Даже

в этом понимании, простом и глупом, кроется-то же самое одиночество.

– Получается, вы никогда ее не любили?

– Я уже сам не знаю, что получается. Эти мысли завели меня за черту, где все уже давно бессмысленно, – он поднял пустой бокал над головой и прокричал, – Боже, какой же я бедный человек!

– Как вы собираетесь жить дальше, господин?

– Как и все, дорогая моя – во лжи, да мнимом счастье. А что мне остается? Жить по-другому, без них – я не умею, а пытаться донести это до нее – слишком глупо. Первым же вопросом от нее будет «зачем». А я, понимаете, не знаю. Вот жил всю жизнь, думал, на любой вопрос найду ответ, а тут будто ступор. Хотя ничего не изменилось, земля по-прежнему круглая, вещи все те же, люди вроде тоже, вот только с тобой что-то не так. Внутри тревога, а так не должно быть. Знаете, я боюсь лишь одного, понять, что эта жизнь не имеет смысла и кажется в данный момент я начинаю понимать и мне так тошно, так тошно от самого себя... Благо, век мой не так долог на этой земле, ибо еще столько же я просто не вынесу.

– Исходя из ваших слов, получается, что каждый человек делает что-то только из-за одиночества?

– Потому что не может с этим смириться. Хуже всего, понимание того, что эта чередка никогда не закончится. Она будет преследовать человека до самой старости. А если вся

жизнь состоит из погони от самого себя, то что в ней истинного? Если человек, не может ужиться с самим собою. Значит, все – пустота и смысла в этой пустоте ноль, а значит и в жизни человеческой смысла нет. Все бессмысленно, Госпожа Чистякова. Спасение ради спасения. . .

Музыка остановилась, как и шум других. В ресторане воцарилась глухая тишина. Присутствующие молча стояли, склонив головы пред своими столами. В тот момент, каждый мог подумать про себя что-то важное, ибо казалось, что скоро произойдет нечто непоправимое и ужасное. Из толпы немых людей вышел человек, он был одет во все черное:

– Как вам отдыхается, господа? – с задором спросил он у Чистяковой и Серебряного. – Ничто не мешает вашим скромным утехам?

– Нет, что вы, все просто замечательно. Я будто нахожусь где-то за границей, – ответила Екатерина Сергеевна.

– Мне нужно еще выпить, – Ипостасей решил уже отправится к барной стойке, но человек в черном его задержал.

– Вы, Господин Серебряный уже отдохнули и все, что нужно было сказать – сказали. Вот, подумайте, милейший мой друг, зачем нужно было все это выставлять на показ? Ну есть у вас мысль, считаете вы ее очень важной, другим-то зачем это навязывать. Вы идите к себе домой, да там вопите про все свои муки. Это место, где человек отдыхает, а не думает. Взгляните, – он показал на гостей, которые все так же тихо стояли, – вам нравится такая картина? Мне к примеру,

нет. И все по причине того, что вы, дорогой мой, не можете держать свои чувства и мысли при себе. Ну я не знаю, может на вас каким-то образом повлияли деньги, хотя я всегда считал, что они наоборот должны человека успокаивать, – он сделал небольшую паузу. – Вы понимаете, что теперь, все эти люди будут косо на вас смотреть? Не красиво вы поступаете, господин Серебряный, я разочарован. Я считаю, что вам лучше покинуть это заведение, отдохните, выпитесь, глядите и полегче станет.

– Ишь чего возомнил из себя – прогоняет значит! Как банк за свои деньги поганые купить, так это «господин, вы мне нужны», а как человека даже не понять, а просто выслушать, так это «не по-людски» у нас считается. Только скажешь что-то не по «сценарию», сразу косо смотрят, а чего коситься-то, я не пойму? Неужели не может быть у человека другого мнения обо всем этом? Или нужно только вас, умников во фраках слушаться. Может вам еще и в ноги упасть, а, господин? Смотрите, люди, здесь ваш хозяин! Ну что же, что же вы не кланяетесь ему в ноги, не целуете его лощенные руки!? Вы же так хохотали, вам же здесь было когда-то весело! – Ипостасей кричал на весь ресторан, побуждая других, присоединяться к нему, но в ответ было лишь молчание. – Да и катитесь вы все к чертовой матери, чтоб вы, трусы, захлебнулись и сгнили во всей этой роскоши!

Человек в черном подозвал к себе наблюдателей и приказал немедленно вывести через черный вход Господина Се-

ребряного и боле в данное заведение в любое время дня и ночи – не подпускать. Его в ту же минуту скрутили по сторонам и повели через кухню ресторана. Госпожа Чистякова слегка привстала от происходящего ужаса на ее глазах и уж было собралась уходить.

– Вы торопитесь, госпожа, – мужчина в черном одеяние подошел к ней ближе, – или вас все это утомило?

– Я хотела подышать воздухом и перевести дух. Знаете, сказать, что я удивлена его поступком – значит не сказать ничего. Бедный человек, заложник своих мыслей. Страшно представить, что он себе там надумал.

– Мой вам совет, Екатерина Сергеевна – не думайте по этому поводу слишком много, а то получится, прям как у этого Господина. Я направляюсь в третий зал, не составите мне компанию, дорогая?

– Почту за честь, – опьяненная предложением хозяина, она взяла его под руку, и они вместе проследовали в сторону большой золотой двери, что располагалось у самой дальней стены от входа в ресторан. – У вас такое красивое место, вы поразили меня в самое сердце. Дело в том, что такой стиль мне очень по нраву, и мне кажется, что в прошлой жизни, я уже была здесь, представляете?

– Представляю, ведь точно такие же чувства испытываю и я, находясь в этой всей атмосфере.

– Послушайте, а может и правда мы здесь с вами были когда-то, только вот позабыли про это. По крайней мере, мне

нравится так думать и знаете, что, отныне я буду уверена думать про то, что раньше, сотню лет назад, здесь стоял мой ресторан, похожий на этот и я была в нем самая счастливая.

– Звучит интересно, вот только ресторан сейчас мой, господа. Я не хочу вас обидеть, просто помните об этом, – Екатерина Сергеевна слегка побледнела. – А вот и третий зал, – наблюдатель открыл золотые двери, и они перешагнули порог третьего зала, – вам нравится?

– Что вы. Это самое прекрасное, что я видела в своей жизни. Это похоже, знаете... Забыло слово.

– Вы милочка дар речи не потеряйте, – мужчина в черном засмеялся, с ним и Чистякова. – Не желаете сыграть в рулетку?

– С удовольствием, люблю азартные игры! – она подбежала к золотому столу, где играли в рулетку довольно старые господа, покуривая при этом очень толстые и длинные сигары. – Господа, я сыграю вместе с вами! – старики продолжали молча курить. – Крупье, дорогой, вы мой крупье, можно мне сыграть? – тот кивнул и предложил сделать ставку. Чистякова достала кошелек и отсчитала купюры.

– Аккуратнее, милая, так можно все потерять.

– Или найти, – она положила на игровой стол все деньги, после достала ключи от офиса и дома. – Я ставлю все. Если уж и играть, то играть по-крупному, – крупье отбросил ключи и принял только деньги, Чистякова взглянула на мужчину в черном. – Что это значит? Я хочу сделать ставку,

а этот болван старый портит всю игру.

– Азартный человек вы, Екатерина Сергеевна, – он посмотрел на крупье, – примите у дамы ставку в полном объеме. Госпожа Чистякова, давайте так, раз вы играете по-крупному, то я не могу позволить себе бездействовать и сыграю вместе с вами. Все очень просто, вы ставите все это только на одно число, если вы выигрываете, я подписываю вам весь мой ресторан со всем его доходом. В противном случае, конечно не дай Бог, вы останетесь ни с чем. Как вам моя небольшая игра?

– Знаете, а мне по нраву это. Играем!

– Ваша ставка, госпожа, – спросил громко крупье и приготовился пускать шарик.

– Пять, мое любимое число.

Крупье раскрутил рулетку и пустил по ее краю маленький белый шарик, который двигался в обратную сторону. Он сделал первый круг и приблизился к отсекам с цифрами на пару сантиметров. Вокруг скопились незнакомые люди, которые то и дело нагоняли обстановку, перешептываясь в тени между собой. Крупье следил за шариком, который сделал второй круг и опустился еще на один сантиметр. Сама Чистякова в этот момент думала совершенно о другом, слова человека в черном ее почему-то очень задели, сама она не понимала в чем причина. Шарик сделал третий круг и упал на первую секцию под номером десять и тут же отскочил в другую, номер двадцать, пятнадцать, он сделал последний от-

скок и стремительно падал в ячейку, из которой выхода уже не было. Крупье пристально следил за шариком, все в один миг замерли, Чистякова все летала в своих мыслях. Шарик приземлился, крупье протер глаз и внимательно посмотрел на номер ячейки. «Пять, красное» – раздалось по всему казино.

Ипостася довели до выхода довольно быстро и «вежливо» попросили покинуть заведение. Господин Серебряный оказался на заднем дворе ресторана, где стояла одинокая лавочка с сидящим на ней стариком во фраке. Когда он увидел Серебряного, настроение его поднялось, он привстал с места и расправил руки:

– Господин, как же вы вовремя. Я так по вам скучал. Помните ту историю, что вы рассказывали нам – про картину. Расскажите, будьте так любезны, что вам стоит. Мне просто никогда в жизни не рассказывали боле смешных историй, а вы, вы будто открыли что-то новое в жанре сатиры. Ну что же вы молчите, – Ипостасей шел в сторону своего дома. – Вы куда, господин? Останьтесь! Ну хотите я встану на колени...

«Вот же идиот» – подумал Серебряный и свернул в переулок, где быстро перешел на внешнюю сторону улицы. Весь бульвар был в дыму, пахло гарью, но людей и криков не было, только два одиноких силуэта вырисовывались впереди. Это была невестка и сын Андрей.

– Что здесь произошло? – подбежал он к ним с испуганным лицом. – Что горит? – он взглянул на дом, из окна кото-

рого выходил еще не слишком густой дым. – Что здесь произошло? – снова спросил он, – Нужно спасти хоть что-то из того, что нажили здесь! – он наказал Андрею ждать на улице, и чтобы не случилось не подниматься. Невестку он повел за собою, объясняя тем, что это ускорит процесс побега.

Они переступили порог квартиры, изнутри казалось, что огня вовсе и нет, но отчего-то скрепили балки, что держали потолок по периметру. Ипостасей поручил невестке немедленно складывать вещи в мешок, а сам пошел на кухню и сел возле открытого окна.

– Что же я наделал, Господи. Не справился я, не смог. Слишком слабым оказался. Да если бы я знал, что так все будет, в жизни бы не пошел клятву давать, мне семья дороже, чем все эти дома и окна. Господи. Прошу тебя, не забирай их. Молю. Оступился, да, но для человека это же обычное дело, нельзя же так поступать с ничем не повинными людьми. Смысл я потерял – верно, потерял из-за этого всего, будто ребенок погряз в пучине вещей. Что же мне делать, Господи...

Медленно во тьме, проявился образ ангела. Он тихо сел напротив Ипостасея и молча наблюдал за ним.

– Забери меня, – кинулся к его ногам Серебряный, – меня забери, их не тронь, понимаю поклялся, но неужто тебе в радость детей да женщин губить. А здесь меня загубишь, понимаешь ты крылатый или нет. Меня, я во всем виноват-то, меня нужно к смерти приговаривать и мукам столетним. Ну

сам подумай, заберешь ты их, а я буду по белу свету ходить, как невинный... иль хочешь сказать правильно это так поступать?

– Ты и так уже один, – с грустью сказал ангел. – Посмотри вокруг – все давно сгорело. Здесь я бессилён, человек. И как бы ты не пытался сгладить свое обещание, я прилетел за ними, и с ними улечу. У тебя осталось время проститься.

Не раздумывая, Ипостасей влетел в комнату, где его невестка второпях пыталась собрать как можно больше вещей. Опешившая, поначалу не поняла, что хочет от нее любимый и те слова, что были им произнесены, проскакали мимо. Она хотела поскорее выбраться из горевшего здания. Верхние балки стали потихоньку отваливаться от потолка, было ощущение, что еще чуть-чуть и дом рухнет. Но все остановилось, когда невестка увидела чей-то образ на кухне. Не обращая внимания на Ипостасея, она тихо подошла к ангелу ближе и стала с восхищением рассматривать его:

– Вы так прекрасны и чисты, – сказала она ему, – вы, наверное, здесь, чтобы спасти нас, ведь так? А знаете, я молилась вам каждое утро, каждый обед и каждый вечер. И вот видите, вы нас все-таки услышали. Это же чудо, Ипостасей, – она со слезами на глазах взглянула на мужа, тот стоял в углу кухни и смотрел с тоскою в пол. – А почему ты хмурый, дорогой? Все же будет хорошо... – ангел отвернулся от нее к окну. – Что здесь происходит?

– Они будут страдать? – ответа не последовало. – Чего ты

молчишь?!

– Прощайся с ней, нам пора.

– погоди же, не торопи, – он подбежал к невестке, все ее тело тряслось от непонимания ситуации. – послушай меня, дорогая, – она кое-как задержала глаза на лице Ипостасея. – Я совершил очень большую ошибку в этой жизни. Хотя всегда думал о том, что я не настолько глуп, а оказалось нет – все же дурасть живет в моей голове, – он обнял и постарался хоть как-то согреть ее холодное тело. – послушай меня. Я предал вас и тем самым убил себя, погубил без ножа и лезвий, обронив слова не подумав. Что я после этого, человек что ли? – его тело дрожало, будто вокруг витала вьюга. – Да нет же, животное я, любимая, животное и все слова, что звучали, как обещания – пыль все это гнетущая. Боже, какая же глупость, бесконечная глупость вся вот эта моя жизнь, – он посмотрел в ее глаза, она не могла больше стоять на ногах от услышанного. – Ты всегда была в моих снах и мыслях и за это я благодарен тебе. Я не заслужил этого. Не заслужил того, что в самое темное время своей жизни, я стою вместе с тобою, с человеком, которого люблю. Знаю, я не достоин тебя, даже твоего слова обо мне не достоин, но все равно, знай, что где-то, в другом может совершенно мире, мы с тобою счастливы... Помни меня, дорогая, чтобы не случилось, прошу. Я любил и буду любить только тебя и Андрея, ведь вы мое все, – он взял небольшую паузу, приблизился к ее уху и прошептал, – а теперь, беги, – после резко толкнул ее в

сторону входной двери, а сам в тот же миг, достав из левого рукава столовый нож, бросился на ангела, проткнув насквозь его горло.

Он держал этот нож в шеи существа, не веря своим глазам. Ангел с печалью в глазах, посмотрел на Ипостасея и тяжело вздохнул. А после лицо существа изменилось на лицо невестки. Ипостасей оглянулся по сторонам – ангел переместился и молча стоял у него за спиной. Серебряный не мог понять того, что произошло. На его глазах, его любовь истекла кровью. Ипостасей с заботой вытащил нож из шеи супруги, та упала с грохотом на обожжённый пол. Огонь подступал все ближе. Из коридорной двери слышались тихие шаги, это был маленький Андрей.

– Папа, что ты делаешь? – спросил испугано мальчик.

– Он зря сюда пришел, – проговорил ангел, – скажи ему, чтобы уходил.

– Уходи отсюда, быстро! – начал кричать Ипостасей. – Беги куда глядят глаза! Беги от них, сын! – Ипостасей почувял легкое жжение, которое с каждой секундой перерастало в боль. – Я что, горю?

– Несомненно, – сказал ангел. – Почему ребенок не уходит? – Андрей продолжал стоять в ступоре.

– Андрей, умоляю тебя, беги отсюда. Я прошу тебя, не нужно этого видеть. В жизни столько всего прекрасного и чудесного, что все это даже не стоит того. У тебя эта жизнь еще впереди, сын, не нужно здесь оставаться. Ты если смо-

жешь, только не забывай нас с мамой.

– А вы? – со слезами на глазах спросил Андрей. – Не забудете меня?

– Никогда в жизни, дорогой мой, – тихо, с улыбкой и слезами на лице ответил Ипостасей. – Никогда. А теперь беги! Убирайся из этого дома! – Ипостасей не чувствовал уже ног, он кричал так сильно, что мальчишка закрыл уши, а после побежал к входной двери. Ипостасей упал на колени и от изнеможения склонил голову. – Теперь мы в расчете? – спросил он у Ангела. Тот тихо подошел к его невестке, что тратила последние секунды жизни в конвульсиях, и присел рядом с ней. – Ты что задумал?

Ангел наклонился к ее лицу и прикоснулся своей рукой к ее щеке, после он медленно переместил руку к левому уху и с силой вырвал это ухо под корень. Ипостасей видел все это, но не мог ничего сказать, он потерял дар речи. Ангел не успокоился на этом и медленно подвел свою руку к левому глазу невестки, чуть зацепившись за яблоко, он вырвал и его с корнем, отложив под свое крыло. Далее его огромная рука дошла и до губ. Существо разорвало их, отсоединив от лица. Огонь добрался до рук Ипостасея, он почти не шевелился, но все видел. Ангел мирно подошел к нему и прошептал: «Теперь мы в расчёте», оглянулся последний раз на окно и тут же испарился в облаке дыма.

Маленький Андрей так и не спустился по лестнице вниз. На пороге из квартиры его поджидала большая яма, куда

мальчик провалился, потеряв сознание.

Вскоре, в заголовках местной газеты напишут о полностью сгоревшей улице, как о самой большой и нелепой трагедии. Напишут количество умерших и красноречиво подметят, что спастись от пожара не удалось никому. Все здания улицы были сожжены, от жилых домов до ресторана, где в прошлом стоял банк. Причину поджога установить не удалось.

Часть 2

В этом городе никогда не менялась погода. Темное небо с едва различимыми облаками стояли здесь постоянно. Дожди шли почти каждый день, а на деревьях висели лишь сухие одинокие листья, что не успели упасть с другими. Это продолжалось уже не один год и не одно столетие. Горожан, что помнили об «иных временах» давно не было в живых, а их дети и внуки даже не знали, что такие времена когда-то были на самом деле. В этом городе совершенно не было дорог и бульваров, по которым можно было прогуляться в сухую погоду. Здания строились на один манер, это были одноэтажные, маленькие постройки, с двумя окошками и полукруглой дверцей. Изначально дома такого типа делались из досок, но после перешли на кирпичную кладку. Всему виной была неустойчивая погода в виде осадков, которая со временем разрушала дерево. Такие постройки можно было увидеть в некоторых старых районах города. Все поголовно они стояли без крыш, окна и двери были сняты, а доски либо разрублены, либо унесены неизвестными. Были в этом городе и высокие сооружения, к примеру, как центральный магазин или мэрия. Эти здания стояли с основания, на их постройку выделялось максимальное количество городского бюджета. Для горожан это было что-то вроде достопримечательностей, которыми можно было похвастаться «другим», что жи-

ли за городом. Из-за того, что дома находились очень близко друг к другу, в городе не было машин и самым популярным видом передвижения была езда на велосипеде. У некоторых семей данное транспортное средство играло важную роль и служило в роли фамильного достояния, что передавалось из поколения в поколение. Считалось, что чем старше был велосипед, тем крепче и дольше была семейная связь. По этой причине, мэрия организовала ежегодный фестиваль велосипедов, где определяли самое долгое и крепкое поколение. Наверное, для горожан этот фестиваль был самым долгожданным моментом и олицетворял яркий и душевный праздник, который можно провести с семьей.

01.

Эта была большая комната с белыми стенами и потолком, по середине которой стоял круглый стол. Вокруг стола располагались стулья в количестве пяти штук, с расписными спинками и удлиненными ножками. Кроме всего этого, в углу кабинета стоял книжный шкаф, где можно было отыскать разного рода литературу. В тот самый момент, на самом видном месте, по середине торчали из общего ряда только две книги. Это были старые издания по философии, касающиеся политики и общества, где эта политика применяется. Хоть и печать подобного рода литературы была под запретом, это не мешало мэру и людям, относящиеся к его свите, знакомиться с «текстами», которые по их мнению – «оскверняли ум простого люда». Остальное пространство кабинета было пустым намеренно. Это делалось для того, чтобы в праздники сотрудники не толпились за столом, а отдыхали с комфортом. Обычно, в такие дни собиралась вся коллегия и после пламенных речей мэра, они открывали несколько бутылок шампанского и отдыхали до самого утра. Один из политиков под впечатлением назвал это «лучшим решением мэра и действующей власти за несколько лет», после чего был удостоен звания «Почетный служащий города».

Свет серого оттенка пробирался в окна и чуть не ослепил министров, пришедшие на очередное совещание. Они были

в строгих костюмах черного цвета, белых рубашках и галстуках, цвет которых напоминал легкую скорбь. Они синхронно сели за круглый стол и неторопливо, даже с небольшой небрежностью, стали копаться в документах, которые принесли в своих портфелях. Каждый из них выложил перед собой кипу бумаг. Такой жест означал их готовность начать совещание.

– Господин, вновь опаздывает, – сказал один из министров, – он что-то прямо зачистил последнее время. А может случилось что у него, а мы тут сидим, с листками этими.

– А где ты предлагаешь нам быть? Мы все же министры, а не врачи. Спасать души не входит в наши задачи. Чего вообще впадать в панику, я не пойму? Ну не придет он, обговорим завтра значит, по крайней мере, мы свою работу выполняем и выполняем, на мой взгляд, очень даже хорошо. Поэтому не вижу повода волноваться. Я же прав коллеги? – второй министр окликнул других.

– Правы-то вы правы, только вот есть одно «но», – ответил третий министр. – Предположим ситуацию, – он откинулся на спинку резного стула и начал размышлять, – вот вы, сотрудник большой организации, под вашим взором сотни чиновников, которые так и желают вам угодить. Вы в свою очередь находитесь под властью более влиятельного человека, который в свое время, помог вам избавиться от прошлого, что мешало смотреть на обыденный свет – обыденно. Иными словами, эта персона подарила вам новую жизнь. Вы ра-

ботаете на него уже очень много лет и не знаете бед, но в один прекрасный момент ваш спаситель, если можно его так назвать – умирает. На его место приходит другой руководитель, который, смею заметить, понятия не имеет, кто вы. Хотите сказать, что не будете испытывать трудности при такой ситуации? Да вас вышвырнут в тот же день, ибо без вашего спасителя, вы сами из себя ничего не представляете – пустышка, которая может разводить лишь бесполезную демагогию. Такие вряд ли нужны хоть кому-то, а если нужны, то только из-за жалости, – он одернул шею со спинки и посмотрел на второго министра. – Поэтому, коллега, на вашем месте, я все же бы волновался по данной ситуации и уж точно не сидел бы на ровном месте, – после речи третьего министра, кабинет буквально на минуту затих.

– Он же т-т-так шутит, – сказал с заиканием первый министр, – он же, все это, не всерьез, – он взглянул на второго министра, тот не подавал вида, что его как-то задели эти слова. – Министр, ну вы-то понимаете? – тот молчал, уставившись на книжные полки. – А вы министр? – окликнули четвертого. – Вы не хотите высказаться по данной ситуации? – он чуть не задохнулся от волнения, пока договаривал последние слова. Четвертый министр посмотрел на него и скромно помотал головою.

– А вы чего так нервничаете? – спросил второй.

– Да как же, вы говорите о таких вещах, что и подумать-то с-с-страшно. А после еще молчите, делая вид, что тема об-

суждения далеко н-н-нешуточная, как могло показаться. Я и хочу вот понять, что в ваших головах-то сидит, что заставляет не просто думать о таком, но и говорить!

– Коллега, – в диалог вступил третий министр, – вы можете думать, что хотите, но выстроив некий свой абстрактный мирок, у вас не пропадает ответственность за настоящий. Поэтому, продолжайте жить в сказке, но не забывайте про истину время от времени. Она, знаете, вещь такая – не трогает полвека, а после как в одну минуту возьмет вас за горло и все, погибель. Просто будьте аккуратнее, мой вам совет.

– Говорите вы красиво, конечно, – начал второй министр, – только вот, если планочку поставить над нами всеми – по высоте равной будет, а это значит, что ваши слова направлены не на одного, а на всех, включая даже вас.

– А министр-то дело говорит, – поддакнул первый, дрожащим голосом.

– Вы может и забыли, вот только речь моя была о не настоящем, а больше о прошлом и будущем. Мое, к примеру, прошлое никак не связано с грязью и однопанельными домами, так же мое будущее не зависит от человека, что стоит выше меня, ибо имя свое и место сделал я сам, в отличии от вас. А что касается нынешней обстановки, так здесь я полностью солидарен – должности-то ведь у нас одинаковые с вами, значит и отвесность похожая, только вот подходы и методы разные.

– Знаете, я не собираюсь с вами спорить сегодня, – ответил второй министр. – Вы я так понимаю с утра были настроены на скандал, пар решили выпустить на коллег. Но знаете, что я скажу вам, может конечно вы и не поймете, но те самые резкие повороты, что фигурировали в вашей речи, лично мне дали очень многое, одно из них – это стойкость и терпение. И вот знаете, министр, если меня вышвырнут с этого поста, я найду, как выжить, а вот сможете ли вы сделать то же самое? Вы же родились в роскоши, для вас это обыденность, нормальное состояние. Все эти вилки позолоченные с ложками, стаканы с росписью, вы же на это не обращаете даже внимания, а для меня, все это – благо, благо, что досталось непосильным трудом, – он сделал паузу и посмотрел в глаза третьего. – Запомните, министр – не стоит судить чью-то колокольню, когда ваша шатко стоит на земле.

– И вы считаете это роскошью? Простите меня, милосердный, но кажется у нас с вами разные объяснения данного слова, – третий министр вальяжно встал со стула и командирским ровным шагом подошел к окну. – Вам знакомо такое определение, как время? – он тяжело вздохнул, – да куда же вам, у вас-то и семьи нет, чтобы понимать всю суть вещей. А вот у меня, представьте, есть жена, дети, родители и им всем нужно уделять внимание, не потому что так надо, а потому что я сам этого хочу, но ввиду того, что я занимаю столь высокий пост, у меня на это не хватает времени, представляете? Ведь его не купишь, как к примеру ваши вилки с позоло-

той. Это нечто иное, нечто более важное, вам так не кажется? Или по-вашему роскошь, может выражаться лишь в материальных вещах? Это же так глупо. Мне такое говорить в новинку, но мне кажется, что вы живете не совсем правильно... Как вы работаете тогда, если все ваши ценности можно поместить в ладонь? Не старайтесь даже отвечать, это напрасно, милый мой, мне все про вас ясно.

– А как вы, персона, что стоит у власти может работать для народа, если для вас чужды понятия простой и обычной жизни. Вот вы в детстве страдали, скажите мне?

– Не обязательно страдать, чтобы понять других, как вы говорите «простых и обычных». Нужно иметь холодную голову на плечах и понимание ситуации. А все эти ваши муки для дураков, скажу я вам. По тому, что вы говорите, наверное сами далеко от таких и не ушли.

– По-вашему я дурак?

– По-моему, – он обернулся на второго министра и с характерной едкостью бросил, – да. Иначе я не могу объяснить ваши выводы. Вы даже не дурак, знаете, а скорее недалекий. Для вас это больше подходит.

– Ах недалекий значит, – второй министр медленно встал со своего стула и решительно направился к окну, – я конечно все представлял, но чтобы в такой форме и от кого! – он было хотел кинуться с кулаками на него, но обеспокоенный ситуацией первый министр охладил его пыл, схватив в обе руки.

– Что же вы творите оба! Остыньте, господа, прошу!

– Пустите меня! – кричал разъяренно второй, – Дайте-ка я ему вмажу по его наглой роже! – в это время третий все так же спокойно стоял у окна и наблюдал за разворачивающимся ливнем на улице. Четвёртый министр, как обычно сидел на своем месте и внимательно читал документы.

– Да успокойтесь вы, не стоит он того, поймите!

В то время, пока первый министр пытался хоть как-то предотвратить драку, в кабинет молча вошел мэр. Не изменяя своим традициям, он был одет в костюм синего цвета, с зеленоватым оттенком, синий галстук в маленькую клетку и кипельно-белую рубашку, что по мнению коллег была самой выглаженной среди других. Он на секунду застыл в дверях от увиденного, и хотел было понаблюдать, но скрип дверной петли выдал его. Министры резко и почти что одновременно обернулись в его сторону. Он медленно прошел к своему стулу, задержав взгляд на окне:

– Что, опять ливень? – спросил он у третьего, тот с задержкой кивнул в ответ. – Значит прогулка отменяется, – мэр плюхнулся на свое место и пристально осмотрел министров. – Вы присаживайтесь, господа. Чем быстрее все обсудим, тем быстрее выйдем, – обстановка в кабинете нормализовалась и спустя пару мгновений все были на своих местах. – Никто не хочет начать?

– Господин, – начал первый министр, – у меня вопрос скорее личного характера, вы только не злитесь. Я хотел бы

узнать, все ли с вами в порядке? Понимаете, последнее время, вы стали часто опаздывать на совещания, и мы подумали, что это как-то может быть связано с вашим лечением, – он слегка взволнованно посмотрел на мэра, – и прошу заметить, я ни в коем случае не желаю вам кончины.

– Я понимаю вашу обеспокоенность, министр, но уверяю, со мной все в полном порядке. Вообще, мне льстит ваше отношение ко мне, вы один из немногих от кого чувствуется некая забота. Мне это очень нравится и поднимает настроение, поэтому спасибо вам за вашу внимательность и открытость. Знаете, я ценю это, правда.

– Что я и говорил, – с улыбкой выступил второй, – нет повода беспокоиться. А вы, коллега, уж разволновались, надумали себе всякого...

– А что плохого в этом? – резко перебил третий министр. – По-вашему не стоит обращать внимания на такие мелочи? Знаете, в таком как раз-таки и кроется уважение к другим. Вам конечно это сложно понять.

– Так, господа, перестаньте язвить друг другу! – мэр легонько ударил рукой по столу, чтобы все обратили внимание. – Вы вообще понимаете, что вы творите? Распыляете вздор в нашем дружном коллективе. Я этого не позволю и отныне будьте уважительнее друг к другу, если вам что-то не нравится или может кто-то, то все пожелания прошу мне на стол в письменной форме, иначе отправлю за дверь. Надеюсь вы меня поняли? – он строго посмотрел на двух ми-

нистров, что пытались устроить публичный скандал. – Вам наоборот нужно держаться друг друга, чтобы иные силы не смогли сломить ваш дух, а вместо этого вы занимаетесь какой-то, простите меня, дуростью, – мэр нервно протер край стола и снова обратил внимание на окно. – Представляете, решил выбраться сегодня на свежий воздух, а оно вон как вышло – это же теперь на целый день, как я понимаю. Вот и планируй свой отдых с такими «ситуациями». У нас есть какие-либо темы для обсуждения? Если честно, у меня очень разболелась от вас голова и поэтому думаю лучше перенести все это на, скажем, следующую неделю. Вы как, господа министры?

– Позвольте, – четвертый министр скромно поднял руку, мэр кивнул в ответ, – есть важный вопрос, который на мой взгляд нужно решить прямо сейчас, – он достал из своей стопки бумаг небольшой оборванный лист и начал что-то искать в нем. – Вы слышали об отпрыске, что попал сюда?

– Это который сверху упал? Слыхали, да. Вот только все это брешь. Подкинули его нам специально, чтобы все здесь высмотреть. Они думали, что в нас жалость проснется пред чадом, вот только мы умнее, и думаю, завтра же казним эту плоть на глазах всей публики. Пусть знают, что играть с нами не получится, – жестко ответил мэр. – Если честно вот, я смотрю на вас, министр, и знаете, вот вы вроде молчите постоянно, но как начнете что-то говорить, так у меня сразу настроение портится. Мне интересно, как у вас это получа-

ется так профессионально?

– Я просто выполняю свою работу, господин мэр, – ответил спокойно четвертый, – на мой взгляд, такие темы очень важны для нас, ибо каждое неверное решение, может стоить в дальнейшем большого поражения. Вы же не хотите оказаться растоптанным своим же политическим устоем. Если вы убьете живое существо, что потенциально не является угрозой для общества, вы перейдете тонкую грань между политическим забвением и политическим безумием. О какой свободе в дальнейшем может идти речь, если фундамент этой философии направлен лишь на узкий круг личностей. Кто пойдет на войну ради вас, если мы изгоняем любую иную форму жизни, что как-то отличается от нас? Вы должны наоборот цепляться за каждую такую возможность, дабы продемонстрировать отношение существующей власти к простому народу и заметьте, не только к своему...

– Да понял, я понял, – мэр немного откинулся на спинку и призадумался, ухватившись руками за голову. – Ну хорошо, – подтянувшись вновь к столу, – что вы предлагаете? Я хочу послушать конкретно вас.

– Мое видение этой ситуации такого: мы должны оберегать всякого, кто нуждается в этом, будь-то простой горожанин или маленькое дитя, рожденное от нашего неприятеля. Поймите, казнь беззащитного мы ничего не добьемся, а вот если мы примем его, воспитаем, как полагает наше общество, то в будущем он может сыграть очень важную роль, ес-

ли этот мнимый конфликт вдруг перерастёт в нечто большее. Представьте такую картину: ребенка, что бросили ранее своим врагам, воюет на их стороне и истребляет свое племя. Как минимум это вызовет общественный резонанс и подкрепит наше положение у других. Если нам удастся это проверить, считайте иные нам не страшны. У них просто-напросто не останется поддержки среди соратников, а сами воевать они точно не будут, ибо слишком трусоваты.

– Я вас понимаю, министр и в каком-то плане даже с вами согласен, но ответьте мне на такой вопрос, кто будет воспитывать это... «существо»?

– Нам нужно добиться того, чтобы он стал одним из нас. Значит лучше всего, будет его отдать в хорошие и заботливые руки, дабы тот сполна прочувствовал наши порядки и устои. Есть одна на примете персона, она потеряла семью, и вот уже как три года страдает в одиночестве. Обычная мать вряд ли такое примет к себе, а вот она – потерянная душа, отказаться не сможет. Только нужно сделать это все публично, организовать сцену в центре города, радиотрансляцию, позвать газетчиков, чтобы как можно больше узнали об этом.

– Очень хорошо! – восторженно вскрикнул глава, он встал со стула и быстро подошел к министру. – А давайте, вот вы все и реализуете, к тому же я полностью вам доверяю, – мэр приобнял слегка удивленного министра. – Вы только скажите сколько вам необходимо выделить средств, а я все устрою.

– Выделять много не нужно, господин, разве что на тор-

жество и шумиху, чтобы про это говорили хотя бы первые пару недель. А дальше, думаю, ситуация уже будет зависеть не от нас.

– А как же средства на содержание?

– Как раз наоборот, – министр взял очередной листок из большой кипы. – Здесь указано, что она жила ранее у фабрики. Когда на фабрике случилось то, что случилось, ее дом попал под зону покрытия. На месте пепелища смогли обнаружить среди других трупов – ее супруга. А через несколько месяцев она потеряла и ребенка.

– Подождите, коллеги, – мэр вновь сел на свой стул, – я окончательно запутался в этой ситуации. У нее была семья, у этой вот женщине, верно, министр? – тот кивнул. – Потом случилась катастрофа, муж заживо погиб, а она значит с ребенком уцелела, так? – он вновь кивнул. – А что произошло с ребенком? И зачем нам отдавать это существо ей?

– Вы неправильно поняли меня, – четвертый министр подошел ближе к мэру. – Представьте женщину, что потеряла своего семилетнего ребенка. Как вы думаете, о ком она будет сожалеть? О том, кого потеряла. В ее голове уже давно сформировался образ и другого она просто не потерпит. И каждый раз, возвращаясь в прошлое, она будет вспоминать именно его. А вот представьте, женщина теряет ребенка при родах. Не так больно, соглашусь, но вот упущенная возможность стать матерью все равно будет терзать ее душу. Определенного образа в ее голове нет – и нам это на руку. К то-

му же она потеряла свой дом, а наша программа лояльности смогла выдать ей лишь старую деревянную постройку, на окраине старых районов. И вот, пройдя через такой сложный путь, ей будто воздается благом, ведь кроме пустых стен и старого велосипеда у нее ничего не осталось, а здесь появляется смысл, смысл продолжать что-то делать, смысл в конце концов жить, – он закончил свою речь и сложил все бумаги опять в одну стопку. – Эта женщина – сокровище для нас и нашей ситуации. Она воспитает его, как никто другой, а деньги лишь погубят эмоции, поверьте. Конечно, на первое время нужно будет обеспечить ее едой и будет не лишним обить ее крышу дома, но доводить это все до фанатизма, думаю, не стоит.

– Все же я не пойму, министр, – было видно, как глава этой встречи меняется в выражении лица от усталости, – почему им не выделить новый дом, обеспечить хорошей работой мать, чтобы она не жила хотя бы с низшим классом?

– А вы думаете кто пойдет на войну? Буржуазия с ее манерными замашками? Нет, низший класс и пойдет. А этот ребенок, в последующем возможно может стать командиром одного из полка.

– Что вы сказали?! Это существо будет командовать нашей армией? Да не в жизни! Одно дело принять его в общество наше, а другое давать ему право и власть, вы сами-то думаете, о чем говорите, министр? Он другой, поймите, знаете, как они называют нас? Лягушки! Представляете!?! Но

зато себя считают людьми. А мы значит у них – «лягушки». Их народ на каждом углу клеветает на нас, а мы должны их чадо принимать и боготворить?! Вы же сами понимаете, что это добром не кончится...

– Я понимаю ваши опасения, господин мэ́р, но уверяю вас, начав прямо сейчас воспитательный процесс, мы избавим это тело от пагубных мыслей, а когда наступит время, то это уже не будет «существом сверху», а будет настоящим и преданным своему народу солдатом. Все дело в социуме, оно легко исправит любого под себя.

– То есть повода беспокоиться нет? Вы же понимаете, что для своего народа я хочу все самое лучшее, в том числе это должно выражаться и в моих решениях. Просто думается мне иной исход и мысль о том, что плоть врага встанет рядом с нами уж сильно тревожит... Хотя идея ваша мне и нравится, – мэ́р сфокусировался на книжный шкаф и начал думать. – А черт с ним! Я одобряю вашу идею, министр! – он подошел к четвертому и крепко пожал руку. – От вас я жду список всего необходимого и расчеты по бюджету, – он повернулся к столу и посмотрел на других. – У кого-то есть еще вопросы ко мне? – в ответ ничего не прозвучало. – Тогда все свободны, хорошего дня. А вы, – мэ́р обратился ко второму министру, – задержитесь ненадолго, обсудим вчерашний вопрос.

Кабинет опустел. Глава сел на свое место и достал миниатюрную курительную трубку с золотым мундштуком. Он вы-

сыпал табак из кармана на стол и принялся медленно перебирать его. Он старался подбирать лишь крупные табачные листья, а те, что не подходили сметал на пол. Министр в это время сидел напротив и молча смотрел на окно, откуда с пронзительным желанием пытался просочиться свет. В этот момент произвольное молчание плавно стало перетекать в банальное незнание и усугубляло уже затянувшуюся паузу. Министр неохотно встал со своего места и переместился ближе к шкафу. Он взял первую книгу, что заметно выделялась среди остальных и прочитав название положил обратно:

– Хорошо, что мы запретили такое чтение, – начал он. – Простолудин запросто мог бы сойти с ума от подобных высказываний. Нынче вообще литература пошла странная, не находишь? – Мэр оглянулся на него и развел руками. – А я вот частенько замечаю такие моменты. С каждым годом их становится все больше и больше... и знаешь, проблема даже не в темах, что затрагивают авторы, а в самом понимании. Вот недавно вычитал у одного: «Наш город», пишет он, «Закрыт со всех сторон, хоть мы подобного не видим, но зато стараемся не упустить возможности вовремя попасть на ярмарку, что открывается по раннему утру. Какие же мы все-таки глупые». Вот читаешь подобного рода вещи и задумываешься, что же должно произойти в жизни у этого автора, чтобы он начал видеть такое? Ну это же все написано не от большого ума, как мне кажется, а лишь бы народ раззадорить лишний раз, выдавая свои безумные мысли за какую-то ис-

тину. И что самое страшное, это читают и читают с удовольствием. Что стало со всеми этими писателями, я не пойму, ну раньше же, раньше не было такого. Раньше если и писали, то это по крайней мере было интересно. Было над чем задуматься что ли, – он сделал пару шагов вперед от шкафа и облокотился на край окна. – Нужно этих всех авторов собрать и посадить к чертовой матери, а после воспитать нормальных, новых, чтобы наше общество не отупело окончательно.

– Да перестань ты, – мэр прервал его речь, – ну закроешь ты всех юродивых, думаешь новые не найдутся? Они ведь как, ты им кислород перекрываешь, а они все больше скалятся, причем эти действия у них не вызывают чувство боли, а наоборот, они ими питаются. Уж лучше пусть пишут себе, нежели будут расхаживать по улицам и пугать переворотами. А что касается твоих взглядов на книги, так все просто – ты повзрослел и прошлые глупости, что нравились тебе уже смотрятся и читаются немного иначе, под другим углом. Ну хочет он думать, что все настроено против него, хочет он, я не знаю, выглядеть ярче среди серой массы, так пускай. Глупцам дана подобная черта и к сожалению, глупцов всех в нашем мире не перестрелять.

– Что самое удивительное, пишет он это все не опираясь на свои мысли. Услышал где-то, что народу такое по нраву и в тот же миг за печатной машинкой строчит глупости. В этом же не заключается истинная идея литературы. Получается, делается все это не во благо искусства, а во благо попу-

лярности. Неужели им самим нравится такое?

– Дорогой мой, о чем ты говоришь, подобного рода действия давно перешагнули значения духовности и сейчас это лишь способ набить себе карман. Зачем ему писать свои мысли, если он не знает наперед – примут его читатели или нет, а тут все намного проще – поругал власть, пожалел бедняков и одной ногой в почетных писателях. Это уже не искоренить, поверь мне, за этим можно только наблюдать и делать выводы. Страшно, соглашусь, но выхода другого нет, – он закурил трубку. – Ты, лучше скажи мне вот что, почему не заходишь к нам последнее время?

– Ну как – я работаю, – министр устал стоять на одном месте и короткими шагами начал бродить из угла в угол, – Времени, понимаешь, все нет свободного. Все какие-то дела... Да случаи. Я сам-то позабыл уже, как по улице ходить не торопясь, а ты говоришь «в гости».

– Раньше за тобой я не замечал такого, – мэр откашлянулся от дыма, что окружал его и продолжил. – Я конечно, все понимаю, но на мой взгляд ты поступаешь не красиво. Ты конечно можешь отнекиваться, говорить про нехватку времени, но мы же оба понимаем, что причина кроется немного в другом, – он сделал длинную тягу и моментально выдохнул весь образовавшийся дым через нос. – Кстати, эта самая причина, о которой мы оба знаем, совершенно не против твоего присутствия в нашем доме, по крайней мере, она больше не называет тебя подлецом.

– Говорить может и перестала, а вот в голове подобного рода мысль, да проскочит. Не уговаривай меня это делать, прошу. Что было, то было. Об этой ситуации я тебе вроде все уже сказал ранее.

– Что значит «было»? Ну подумаешь, побранились слегка, сказали глупости и что теперь из-за мелкой ссоры разрывать нашу с тобой дружбу? Мы же все взрослые люди – ругаемся, миримся. Это же нормально, пойми. Придумал еще что-то, про какое-то время, прогулки... – мэр отставил трубку и вздохнул. – В общем, жду тебя с примирением. Хватит изображать занятого и бегать – приходи, накроем стол значит и нормально, спокойно посидим, как раньше... Ты услышал меня? – министр неохотно кивнул. – Вот и хорошо, мне нравятся диалоги, которые заканчиваются решением. Это, я скажу тебе, по-мужски. Кстати вспомнил, а что это было здесь до меня? Боюсь представить, если бы ты все же добрался до него. Чего не поделили?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.